3 1761 06412134 6

Силуэты женщинъ

Н. НЕДЛЕРЪ

PG
3476
N425S54
1919
c.1
ROBARTS

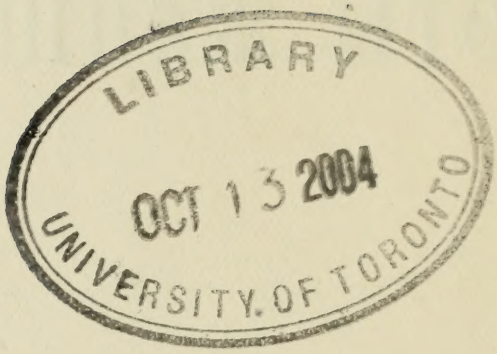
СИЛУЭТЫ ЖЕНЩИНЪ.

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/siluetyzhenshchi00nedl

СИЛУЭТЫ ЖЕНЩИНЪ

Н. НЕДЛЕРЪ.



Право собственности внѣ Россіи закрѣплено во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами.

Alle Rechte vorbehalten, insbesondere das Übersetzungsrecht in fremde Sprachen.

НАПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ДРУГУЛИНА
ЛЕЙПЦИГЪ 1919 годъ.

SKETCH I.

Moderno

Ему удалось придти къ ней только въ пятомъ часу и оттого онъ не засталъ ее одну, какъ она обѣщала. Были еще двѣ дамы. Одну изъ нихъ онъ зналъ. Это была разведенная жена лѣтъ 30, съ желаніемъ смотрящая на всякаго, какъ и она здороваго, мужчину. Вторая дама была одна изъ тѣхъ, которыхъ называютъ „драматическія женщины". Это прозвище шло къ ней въ особенности теперь, когда она носила трауръ по мужѣ, застрѣлившимся изъ за нее.

Былъ общій разговоръ. Разсказывали, что то, конечно, дамы. Драматическая женщина, чтобы показать, что она не только слѣдитъ за белетристикой, упомянула о новой научной книжкѣ. Разведенная жена вызывающе смѣялась. Хозяйка дома, lady society, молчала. Онъ, тоже говорилъ мало. Дамамъ хотѣлось поговорить и онъ не мѣшалъ.

Наконецъ дамы встали, намѣреваясь уходить. Хозяйка ихъ не задерживала.

Да дамы и знали, что если ихъ будутъ задерживать, то только для виду. Онѣ думали, къ хозяйкѣ дома сейчасъ пришелъ „онъ" самый главный въ этотъ моментъ. И они не хотѣли мѣшать этому, тайнству для дамъ, флирту.

Только разведенная жена, при прощаніи, ему сдѣлала никому невидимые авансы. Она, какъ бы, говорила:

Теперь, я еще не смѣю. Я знаю, ты ея. Но придетъ время и ты будешь мой. Я подожду.

И она ласкала взглядомъ его фигуру, какъ будто это была уже ея собственность.

Онѣ ушли. И начался тотъ не передаваемый разговоръ двоихъ, разговоръ не словъ, а чувствъ. Они не видѣлись болѣе 2-хъ недѣль! Какая то пустая размолвка случилась между ними. Затѣмъ, онъ ждалъ ея телефона, она его! Потомъ другія впечатлѣнія, другія желанія и вотъ волна жизни ихъ разъединила на время. У него былъ тогда флиртъ съ другой, у нея съ другимъ. Она даже нашла красивую одежду: флиртуя, она спасала какого-то несчастнаго, отвлекала его отъ чего-то худого!

Этотъ разговоръ вдвоемъ особенно ихъ сблизилъ, хотя они и не первый разъ оставались одни. Никогда это не было такъ пріятно, никогда такъ близко, близко они не заглянули другъ въ друга.

И когда онъ уходилъ въ его глазахъ была она, въ этой послѣдней своей позѣ, на столикѣ, съ перекинутой одну на другую ногой.

Какъ воробушекъ, сказалъ онъ.

Ему не хотѣлось уходить, но онъ былъ долженъ это сдѣлать. Во первыхъ лучше уйти, когда еще желаешь, чѣмъ когда желаешь уйти. А во вторыхъ, у него было назначено свиданіе въ 9 часовъ съ другой, въ театрѣ. Онъ собрался уходить въ 8, на всякій случай. Вышло

какъ онъ и ожидалъ. Вы куда? спросила она. Уже ревность? сказалъ онъ.

Не буду, не буду! Но побудьте еще полчаса!

Эти полчаса, сами собой, ей были не нужны, но она хотѣла знать, нужно ли ему быть гдѣ нибудь въ опредѣленное время.

Онъ оказался здѣсь предусмотрительнѣе. Онъ смогъ исполнить ея первую, маленькую просьбу.

* * *

Въ театръ онъ пришелъ даже немного рано. Ея еще не было.

Но вотъ пришла она, молодая, веселая и на него пахнуло какой то ея свѣжестью!

Ихъ отношенія—прелюдія начинающагося романа, гдѣ все только еще намѣчается, гдѣ прикоснуться, даже къ пальчикамъ, громадное удовольствіе!

Когда они возвращались изъ театра они смѣялись отъ всего. Отъ дождя который ихъ мочилъ, отъ ухабовъ и цѣлыхъ озеръ, которые попадались на ихъ дорогѣ. Даже отъ холода, который чувствовали его пальцы, когда онъ держалъ ее!

Но зато какъ было пріятно ему, когда она ихъ отогрѣвала!

Проводивъ ее, онъ пріѣхалъ домой и все думалъ, думалъ: которая изъ двухъ?

Утромъ на слѣдующій день ему передали дома, что его вчера спрашивала два раза по телефону третья.

SKETCH. II.

Anteludium

Еще третьяго дня, когда она прощаясь первая спросила, когда же мы еще увидимся? По тону голоса, по тому живому интересу вопроса, онъ понялъ, что съ ея стороны что-то будетъ, большое или небольшое, онъ еще не зналъ, но чувствовалъ, что будетъ что-то.

Теперь, придя раньше на четверть часа и дожидаясь ее, онъ зналъ, что она придетъ, навѣрное придетъ, но немного всетаки нервничалъ. Нервничалъ, что она аккуратна. А между тѣмъ онъ и самъ случайно не опоздалъ, трамвай какъ-то особенно хорошо шелъ, точно не было и революціи, не было и связаныхъ съ нею испорченныхъ вагоновъ.

Она подошла. Протянула просто ему руку, будто онъ былъ для нея совершенно далекій случайный человѣкъ. Подошла и сразу стала жаловаться, что ее сегодня кто то обидѣлъ. Онъ, какъ всегда, началъ подшучивать надъ ней, но затѣмъ спохватившись сталъ болѣе внимательно прислушиваться и всталъ искренно на ея сторону. Она успокоилась.

Когда я произношу Ваше имя, сказалъ онъ, такое длинное, мнѣ сейчасъ же представляется другая дама, съ такимъ же какъ Вы именемъ, некрасивая и недалекая.

Можетъ быть Вы разрѣшите мнѣ звать Васъ какънибудь иначе, попроще? Леля, что ли?

Нѣтъ ужъ, если Вы хотите, сказала она, зовите меня „Леша"; мнѣ больше это нравится. Васъ я тоже буду звать по другому. Какъ Вы хотите? Мнѣ все равно, сказалъ онъ.

Я буду Васъ звать „Киса".

Сначала онъ не обратилъ на это имя никакого вниманія. Что имя? Звукъ пустой! Но съ каждымъ повтореніемъ этого „Киса", оно рѣзало ему ухо и онъ чувствовалъ, что можетъ быть будетъ время и онъ не вынесетъ, онъ закричитъ отъ боли, или, быть можетъ, уйдетъ отъ нея, уйдетъ изъ за такого пустяка, имени!

Они шли домой пѣшкомъ. Оба сильные, здоровые. Встрѣчные люди казались имъ какими то карликами. Этому помогало ихъ настроеніе и назрѣвающее въ нихъ чувство, какъ будто приподнимающее ихъ надъ всѣми людьми.

Надо думать, что каждый человѣкъ, даже самый незначительный можетъ быть великимъ, когда онъ любитъ.

Удивительно, что всегда практичные нѣмцы не придумали и это чувство использовать, обратя его въ какуюнибудь машину или силу!

Кое гдѣ вдалекѣ стрѣляли. Отъ страха она прижималась къ нему и онъ радовался этой стрѣльбѣ. Стрѣльба давала ему возможность еще разъ убѣдиться, что она считаетъ его роднымъ, близкимъ!

Они все шли и что-то говорили.

Что? Если ихъ спросить обоихъ, они не помнятъ. Да развѣ это важно, что говорить въ такія минуты?

Важна та взаимная гармонія, которая между ними!

Онъ что то разсказывалъ, что можетъ быть на будущей недѣлѣ на нѣсколько дней уѣдетъ въ Москву. И когда она опечалилась, онъ сталъ ее звать съ собою!

Она? Она была сначала поражена, а потомъ... потомъ стала высчитывать, что и сколько чего она возьметъ. Онъ подсмѣивался надъ ней.

А больше слушалъ звукъ ея голоса, не вникая въ смыслъ ея рѣчи. Больно ужъ было хорошо! Не хотѣлось думать! Лился какой то ручеекъ словъ! Кто то щебеталъ!

Создавалась какая то непонятная музыка!

Они остановились на мосту. Стали смотрѣть на силуетъ крѣпости. Его какъ то потянуло къ ней! Ему хотѣлось цѣловать это румяное лицо съ блестящими отъ ходьбы, а можетъ быть и счастья, глазами. Но она еще противилась. Онъ сталъ опять смѣяться надъ ней. Спрашивая, какъ у Леши, на какой день ухаживанія разрѣшается поцѣлуй?

Разсердивъ ее нѣсколько этимъ, онъ заговорилъ, что это нежеланіе очевидно оттого, что ей непріятно прикосновеніе его губъ. Оно противно. Это единственная причина! Она спорила, горячась, и доказывая, что если было бы такъ, она не приходила бы видѣть его, говорить съ нимъ. Но онъ все стоялъ на своемъ и утверждалъ, что можно гулять и говорить съ интереснымъ, но въ тоже время быть брезгливой къ его тѣлу, его лицу. И вотъ эта брезгливость у ней несомнѣнно имѣется!

Они подошли къ ея дому. У него опять появились прежнія желанія. Но теперъ она уже не была противъ этого. Она была побѣждена!

Она, но не женщина!

Когда первый ихъ поцѣлуй случился у крыльца на порогѣ ея входной двери, она настояла на второмъ, уже за порогомъ, чтобы не поссориться.

SKETCH III.

Con estro poetico

Уходя отъ lady society и смотря ей въ глаза, онъ замѣтилъ, что ей жалко, до боли жалко, съ нимъ разставаться.

А Вы любите мечту? Мечту — сказку, вытканную на фонѣ дѣйствительности, мечту для взрослыхъ?

Я не знаю мечты, отвѣчала она, сама того не замѣчая, что она, мечта, уже есть въ ней. Мечта о немъ.

А я не могу понять, какъ можно жить безъ мечты?

Она такъ краситъ нашу жизнь. Пусть она ложь, но она красива! Чѣмъ же виноваты люди, если жизнь это будни.

И вотъ нѣкоторые изъ нихъ создаютъ себѣ праздники. Праздники мысленной красоты!

Ложась спать, я всегда читаю, хоть нѣсколько строкъ. Но вотъ, я чувствую, что сегодня будетъ праздникъ моей мечты! Прилетитъ коверъ-самолетъ и умчитъ меня въ свое царство!

Приходитъ время сна. Настаетъ тишина. Я ложусь и сейчасъ же тушу свѣтъ. Ни строчки книги! Она мѣшаетъ! Она можетъ задѣть, разбить мою царицу мечту!

И вотъ начинается эта сказка! И я уношусь съ нею!

А затѣмъ? Затѣмъ я попадаю въ царство сна. А какъ, и когда, не знаю; да и знать не хочу!

Нѣтъ, я такъ мечтать не умѣю.

А Вы попробуйте! сказалъ онъ уходя.

Ironicamente

На слѣдующій день во время его работы ему часто вспоминалась она.

Она, мечтающая.

Она, въ томъ настроеніи, въ какомъ онъ ее оставилъ вчера. Ему хотѣлось этого настроенія.

И когда пришелъ часъ, когда она бываетъ дома, онъ позвонилъ къ ней. Онъ, бѣдный, думалъ встрѣтить хоть кусочекъ вчерашняго!

Но при первыхъ звукахъ ея голоса, онъ понялъ, что это, его и ея, вчерашнее куда то ушло... И онъ страдалъ! Страдалъ какъ маленькій мальчикъ, у котораго сломалась любимая имъ игрушка!

Онъ услышалъ насмѣшливый будничный голосъ, и если бы даже вздумалъ намекнуть о вчерашнемъ онъ встрѣтилъ бы только смѣхъ!

Вамъ показалось, ему бы сказали.

И стали бы отрицать даже, что когда нибудь это было!

Во время разговора съ ней, въ то время, когда она „ломала его мечту“ у него появилось даже какое то злое чувство.

Ему хотѣлось сдѣлать ей больно!

Я написалъ „Sketch“ о томъ вечерѣ, когда я былъ у Васъ, сказалъ онъ.

Прочтите, когда пріѣдете, услыхалъ онъ совсѣмъ чужой голосъ.

Я Вамъ прочту только часть его. До тѣхъ поръ, какъ я ушелъ отъ Васъ.

Это былъ лучшій способъ отвѣта, что бы она стала просить непремѣнно о второй половинѣ.

И онъ, желая ей сдѣлать больно, обѣщалъ, прося ее этой второй, не вѣрить. Это фантазія автора.

Онъ пришелъ къ ней, чтобы сдѣлать ей больно, и читалъ, и слѣдилъ, какъ она чувствуетъ написанное.

Въ первой части Sketch'a, гдѣ описывались на непріятномъ фонѣ ея гости дамы, у нея иногда появлялся злой смѣхъ. Сильное вниманіе было все время. Но вотъ началась вторая часть, когда онъ ушелъ. Что было въ ея глазахъ, онъ не знаетъ. Она сразу отвернулась. Но онъ чувствовалъ, что она страшно ревнуетъ къ этой, „его фантазіи“.

И также мучается, а можетъ быть и больше, чѣмъ онъ, тамъ у телефона!

Вы любите меня? спросилъ онъ, когда кончилъ.

Нѣтъ, я просто начинаю къ Вамъ привыкать.

Привычка?! говорилъ онъ. Какое нехорошее слово! На меня оно всегда дѣйствуетъ какъ то вещно, какъ то неодушевленно! Точно, что то мертвое.

Нѣтъ ничего хуже привычки. Ея плюсы теряются, когда она появляется, остаются только минусы, когда почему либо ея лишаешься.

Вы привыкаете къ какао утромъ. Сначала оно Вамъ нравится, затѣмъ его Вы уже не чувствуете. Но зато Вы хорошо замѣчаете, когда какао нѣтъ.

Такъ и съ красивымъ лицомъ. Привыкнешь къ нему и не видишь его красоты! И каждая иная, менѣе красивая, будетъ Вамъ милѣе Вашей красавицы.

Привычка это смерть красоты!

Человѣкъ живетъ, получаетъ впечатлѣнія. Его восприимчивость къ впечатлѣніямъ притупляется.

А между тѣмъ это самое главное въ жизни. Значитъ, надо приспосабливаться, мѣнять все окружающее. Мѣнять природу, обстановку, людей! Обновлять жизнь! Въ этомъ подражаніе самой жизни, гдѣ все движеніе!

Мой совѣтъ Вамъ, если у Васъ появляется привычка, бѣгите отъ нея. Бѣгите, пока она не поѣла Васъ, какъ какой нибудь жучекъ поѣдаетъ дерево!

Хороша только страсть!

А отъ привычки-бѣжать. И въ этомъ случаѣ я Вамъ помощникъ.

И онъ ушелъ.

SKETCH IV.

Affitto

Въ теченіи вчерашняго дня, нѣсколько разъ, что то непріятное точно подкалывало его сердце. Онъ зналъ откуда это идетъ, но не хотѣлъ сейчасъ въ немъ разбираться.

Завтра придетъ, какъ нибудь устроится! Зачѣмъ я буду портить еще сегодня?

И онъ забывалъ на время.

А непріятное было въ томъ, что онъ обѣщалъ поѣхать завтра въ театръ съ одной, съ этой третьей, сестрой милосердія. А ему хотѣлось быть совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ.

И онъ зналъ, что завтра будетъ телефонъ, что надо будетъ что нибудь придумать!

Только бы не пришлось лгать! Этого онъ органически не выносилъ.

Пришло это завтра. Ему подвезло. Та піеса, на которую они собирались, шла на слѣдующій день и сегодня онъ могъ быть свободенъ.

Сегодня нѣтъ подходящей піесы, говорилъ онъ по телефону, а вотъ завтра идетъ, что мы хотѣли видѣть. Но, если Вамъ почему либо всетаки хочется въ театръ

сегодня, великодушничалъ онъ, скажите, и я возьму билеты.

Она чувствовала за послѣднее время его охлажденіе и не хотѣла признать неинтересную піесу за настоящую причину. Но въ тоже время, не желая уступать ему въ великодушіи, долго настаивала, чтобы этотъ вопросъ рѣшилъ онъ самъ.

И онъ рѣшилъ. И, конечно, въ свою пользу.

Онъ получилъ свободный вечеръ, она патентъ на великодушіе.

На слѣдующій день онъ не могъ заѣхать за ней и послалъ ей билетъ, прося пріѣхать въ театръ одну.

Но его до театра, еще задержали. И не найдя извощика, онъ бѣжалъ, какъ провинившійся школьникъ, котораго оставили въ классѣ.

Онъ опоздалъ, но всетаки пришелъ первый. И сидѣлъ, и радовался, что еще вины, этого невниманія къ ней, онъ избѣжалъ. И даже думалъ, что при ея опозданіи разговоръ для него будетъ не такой ужъ острый!

Прошелъ актъ — ея нѣтъ.

Сначала ему это было даже немного пріятно. Не будетъ этихъ разговоровъ! Или во всякомъ случаѣ они отодвинутся.

Затѣмъ онъ чувствовалъ себя какъ-то обиженнымъ.

И къ концу спектакля онъ уже думалъ: Ну что жъ, къ этому вѣрно идетъ!

На слѣдующій день былъ тотъ разговоръ, который былъ ему такъ непріятенъ. Разговоръ по телефону, сначала горячій, потомъ тревожный! Были упреки: Ждала,

ждала. Измучилась! А Вы, все не можете дать цѣлаго вечера. Всегда куда нибудь, всегда къ кому нибудь! А мнѣ — какіе то обрывки!

И онъ обѣщалъ быть у нея въ одинъ изъ ближайшихъ дней. Тогда онъ все объяснитъ.

SKETCH V.

Con affizione

Они полулежали на этомъ большомъ диванѣ съ балетной звѣздочкой съ дѣтски наивными глазками, и разговаривали.

Вы знаете, говорила она, когда я только что вышла замужъ, я была совсѣмъ дѣвочка! Жизни я совсѣмъ не знала. Въ мужа была влюбена до безумія. Онъ служилъ и долженъ былъ уходить на службу очень рано.

Я вставала еще раньше, варила ему кофе, приготавливала все и провожала на службу. Однимъ словомъ дѣлала все, что могла! Другихъ мужчинъ для меня не существовало.

Онъ былъ, кажется, доволенъ.

Только теперь, когда прошли года, когда я уже развелась съ нимъ, я поняла, что можетъ быть сама испортила свою жизнь!

Не нужны были ему эти раннія вставанія, эти заботы, эти ухаживанія за нимъ. Все это вздоръ

Мужчины этого не цѣнятъ.

То есть они цѣнятъ, но они будутъ смотрѣть на Васъ, какъ на экономку и принимать это отъ Васъ, какъ нѣчто должное.

Гораздо было бы лучше, если бы когда онъ вставалъ, я оставалась бы въ кровати, заставляла бы его самого варить кофе и дѣлать все, а сама лежала бы въ кокетливой позѣ, которая бы его тянула, дразнила бы его нервы и заставляла бы вспоминать меня въ теченіи его рабочаго дня.

И можетъ быть я не разбила бы своей жизни или, вѣрнѣе, ее бы мнѣ не разбили!

И не хваталась бы я такъ за своего теперешняго друга, инженера.

Вѣдь я знаю, что въ немъ души — то этой самой очень мало. Если не совсѣмъ нѣтъ! Только голова и работаетъ хорошо!

Человѣкъ прямо таки грубый, считаетъ за людей только для себя удобныхъ или нужныхъ. Напримѣръ я. Я для него, и удобна, и нужна. Ничего ему не стою! Цвѣтка на мои праздники даже не пришлетъ. Другіе скорѣе догадаются!

Ну, а доктора говорятъ ему, что для мужчины, какъ пища и питье, нужна женщина. Иначе голова будетъ плохо работать. Онъ и слѣдуетъ совѣтамъ врачей.!

Вотъ мы и дѣлаемъ любовь!

И никогда, даже въ самомъ ея началѣ, она не была у насъ красива!

А дѣлаемъ мы ее уже второй годъ.

Помню я, были мы какъ-то на курортѣ. Комнаты у насъ были разныя. А я вѣдь, Вы знаете, трусиха ужасная! Ну, и что то мнѣ почудилось ночью. Я сейчасъ же накинула на себя капотъ, да и маршъ къ нему!

Думала, всетаки успокоитъ!

А онъ, представьте себѣ, должно быть вообразилъ что нибудь другое. И къ себѣ ни за что не пускаетъ!

Такъ черезъ дверь и разговаривали!

Это знаете, душечка, неудобно. Могутъ услыхать сосѣди! Примите какихъ нибудь капель.

Кромѣ того зачѣмъ же это ночью дѣлать, когда ночью надо спать? А я, послѣ, долго не засну. И голова будетъ завтра болѣть! Лучше ужъ завтра, въ удобное время.

Такъ и ушла.

До удобнаго, значитъ, времени.

Вотъ каковъ онъ!

А то, бывало, идешь съ нимъ. Дорога ровная съ небольшимъ подъемомъ. Идетъ онъ еле ноги передвигаетъ. Да, говорю, Дмитрій Дмитріевичъ, пойдемте же скорѣй! Вѣдь Вы не старикъ!

А онъ: Душечка, ну зачѣмъ, скажите, зачѣмъ я долженъ идти скоро?

Когда я знаю, что при этомъ мое сердце будетъ работать усиленно т. е. больше изнашиваться! Ну, скажите, зачѣмъ же это? Это укоротитъ мою жизнь! А я этого совершенно не хочу. Идите Вы скорѣй, если Вамъ нужно! И подождите меня тамъ, на верху.

Ну вотъ, что за человѣкъ! Это не мужчина, а какой то аппаратъ мужчины изъ папье-маше. У него все, даже любовь, размѣрена по часамъ.

А совсѣмъ безъ мужчины нашей сестрѣ плохо. Глупостей надѣлаешь. Пробовала.

А до него, продолжала она, было и у меня счастіе. Хоть небольшое, да было! Изъ за пустяковъ разошлись!

Тамъ я любила. Вышла ссора, а я поставила вопросъ ребромъ, будемъ жить вмѣстѣ. А у него мать. Я ей не нравилась. Ну дѣло и расклеилось!

А тутъ еще подвернулся этотъ инженерь. Ну и онъ тоже помогъ!

Временами бываетъ все это даже противно! До чего доходишь, грѣшишь съ нимъ, закроешь глаза и представляешь себѣ кого-нибудь изъ знакомыхъ. Кто нравится.

А физически я вѣрна ему!

Живешь, да подыскиваешь кого поинтереснѣе. Чтобы на него перейти!

SKETCH VI.

Agitato

Сегодня lady society онъ застаетъ какой-то разстроенной. Она распрашиваетъ, гдѣ онъ былъ вчера? Ни одного вечера, Вы не можете пробыть дома! Я къ Вамъ вчера звонила. Что Вы за безпокойная натура! Не понимаю я Васъ! Сегодня съ одной, завтра съ другой. Какъ Вамъ не надоѣстъ?

Да наконецъ это же право уже становится однообразно. Вѣдь мы же всѣ похожи другъ на друга! Чего Вы ищете?

А Вы помните Донъ-Жуана? сказалъ онъ. Не въ томъ пошломъ значеніи, какъ его сдѣлали люди. Они вѣдь все могутъ опошлить.

Я его недавно перечиталъ и нахожу, что Донъ-Жуанъ былъ великій искатель красоты, искатель женственнаго. Онъ не былъ развратникъ. Никогда! Развѣ онъ виноватъ, если онъ подходилъ къ женщинѣ, заглядывалъ въ нее, а тамъ пустота! Или что нибудь еще хуже! И онъ уходилъ.

Все какая то пародія на женщину, а не та чистая, свѣтлая, которая была ему нужна. Это его кристальная душа!

Кристальная душа бываетъ рѣдко, и то развѣ до 17 лѣтъ, прервала она, а въ это время женщины глупыя. Такъ, что у этого кристала, по моему, неизбѣжный спутникъ глупость.

Хорошо. Но если въ природѣ нельзя найти этого кристала, сказалъ онъ, безъ его постояннаго спутника, тогда его надо приготовить искуственно. Какъ рубины, бываютъ натуральные, бываютъ и плавленные; и знатоки даже не могутъ найти въ нихъ разницы.

Такъ и женщина! Если у нея есть природныя данныя, то она можетъ изъ себя создать этотъ искуственный кристалъ духовной красоты. Надо только полюбить!

Въ этомъ случаѣ она можетъ даже приспособить свой кристалъ къ запросамъ ея мужчины. Гдѣ, чуть сгустить тона, гдѣ, болѣе ихъ сдѣлать свѣтлыми! И можетъ быть этотъ искуственный кристалъ будетъ даже лучше. Ближе къ жизни!

Во всякомъ случаѣ ближе къ мужчинамъ, сказала lady society, которые сами далеко не кристальны!

Ну, Вы какъ то сегодня зло настроены, въ особенности намъ, бѣднымъ мужчинамъ, достается. Сегодня я боюсь Васъ и потому убѣгаю, проговорилъ онъ прощаясь.

SKETCH VII.

Appenato

Почему то онъ проснулся сегодня очень рано. Было еще совсѣмъ темно. Можетъ быть эти мысли, которыхъ у него такъ много эти дни, мѣшали ему спать. А можетъ быть и неожиданный поворотъ сына, забравшагося къ нему на постель, когда и какъ неизвѣстно, разбудилъ его. И онъ всталъ. Ему вспомнилась почему то та, сестра милосердія. Вспомнились первые дни знакомства съ нею, когда она отвлекла его отъ женитьбы.

Затѣмъ они съ сестрой уѣхали далеко, гдѣ она дѣйствительно его полюбила. Прошелъ годъ. Страсти улеглись. Ихъ разрывъ. Его отъѣздъ на Кавказъ.

Потомъ опять случайная встрѣча. Опять сошлись. Опять охлажденіе и ссора.

И онъ досталъ это ужасное письмо:

Дорогой мой. Чувствую, что между нами все порвалось. Знаю, что если бы я тебя попросила придти, ты придешь. Но я этого сдѣлать не могу. Это будетъ милостыня.

Слушай родной и не осуждай.

Я маленькій ничтожный человѣкъ. Были когда то

порывы къ чистому, свѣтлому. Теперь нѣтъ ничего. Все сгорѣло.

Теперь всѣ свои силы, всѣ интересы, я сосредоточила на тебѣ. Если ты у меня ушелъ, міръ кажется мнѣ пустыней. Въ немъ мнѣ страшно! Въ первый твой уходъ я обезумѣла отъ горя, сейчасъ не то. Сейчасъ я спокойна. Напротивъ, во время нашей первой близости я мучилась отъ страха потерять тебя, боялась твоей измѣны. Теперь этого нѣтъ, но за то... и ничего нѣтъ...

Физически послѣдніе дни мы были близки, но душой нѣтъ. Чужіе. Вчера я поняла это. И вотъ предо мною одиночество, тоска и страхъ! Куда я дѣнусь отъ этихъ чувствъ?

О, если бы ты зналъ какую я чувствую усталость! Смертельную усталость!

Моя влюбленность, моя любовь къ тебѣ, вчера умерла. Ты только другъ.

Близкій, родной, но другъ.

Со своей любовью я потеряла и вкусъ, и смыслъ къ жизни. Понимаешь ли ты?

И ужасъ въ томъ, что никто въ этомъ не виноватъ! Чувства проходятъ, мѣняются и никто въ этомъ не виноватъ! А съ уходомъ моего чувства, я банкротъ въ жизни. Дальше идти некуда и не къ чему. Я смертельно устала!

Бога ради не думай, что ты виноватъ въ чемъ нибудь! Я сама, если ужъ надо быть непремѣнно кому нибудь виноватымъ.

Отъ всей души отъ всего сердца благодарю тебя за все. Прости.

Извини, что возложу на тебя нѣкоторыя хлопоты, вотъ адресъ родныхъ.

Получивъ съ вечерней почтой это письмо, сначала какой то ужасъ охватилъ его: вѣдь это же изъ за него! Онъ здѣсь причиной!

Затѣмъ было желаніе удержать ее, помочь ей скорѣе! Можетъ быть онъ застанетъ ее еще въ живыхъ! Ѣхать сейчасъ же къ ней, это самое главное!

А вдругъ, вдругъ все кончено? И онъ не сможетъ ей помочь!

Какъ онъ будетъ тогда страдать! и главное не нужно страдать!

Спросить по телефону?

Ну, а если онъ узнаетъ, что идетъ агонія, тогда ужъ ему нужно будетъ непремѣнно ѣхать!

И будетъ скандалъ, и страданія.

Какъ это обойти?

И онъ вызываетъ по телефону пріятеля, который ея тоже знаетъ. Его уговариваетъ поѣхать и сдѣлать все, что нужно.

А самъ? Самъ сидитъ дома и конечно... страдаетъ.

Ночью пріѣзжаетъ пріятель, разсказываетъ, что засталъ агонію и перевезъ ее въ больницу. Положеніе очень серьезно. Можетъ быть умретъ.

Съ этой вѣстью, что она еще жива, ему стало какъ то легче!

Черезъ нѣсколько дней звонокъ изъ больницы: больная проситъ придти.

Первое, что она ему говоритъ при свиданіи:

Былъ составленъ протоколъ, спрашивали не былъ ли кто причиной ея поступка? Я сказала — устала жить!

Я больше не буду, дорогой, добавляетъ она.

Больше объ этомъ они не говорили. И вотъ онъ каждый день сталъ ходить въ больницу.

А потомъ? Потомъ опять пошло старое! Старыя отношенія.

Еще прошелъ годъ. Болѣзнь его отца. Ему нужна сестра милосердія въ санаторію. Она бросаетъ все и ѣдетъ къ нему. И дни, и ночи, она ходитъ за нимъ!

Ходитъ до изнеможенія! Отецъ на ея рукахъ и умираетъ.

Сдѣлавъ свое дѣло, она опять уходитъ къ себѣ, въ тѣнь его жизни.

А онъ?

Accrescendo

Онъ уже увлекается другой!

Онъ говоритъ себѣ: вѣдь, если бы я насильно старался ее любить, это было бы скорѣе благодарность, а не любовь? Да и сердцу не закажешь!

Ты другъ, но я люблю другую!

И онъ уже грезитъ ѣхать съ этой другой на югъ.

Къ солнцу, къ морю! И дѣйствительно уѣзжаетъ, оставляя ее одну.

SKETCH VIII.

Affetamente-Accarezzevole

А тамъ? Тамъ было такъ хорошо! Теперь это уже покрыто какой то дымкой. Это было словно давно. Давно, потому что послѣ того было много, много впечатлѣній!

Это было близь Ялты, у моря. По этой чудной дорогѣ къ Никитскому саду. Вечерняя прохлада только что стала спускаться. Яркихъ тоновъ тогда уже не было. Все было какъ то мягко! Они ѣхали вдвоемъ въ открытой коляскѣ. Она, эта нѣжная пташка, вся въ бѣломъ, что-то щебетала. Ея разговоръ не расходился съ окружающимъ. Она мечтала вслухъ! И эти мечты такъ шли къ природѣ, какъ будто ее пополняли.

А онъ? Онъ думалъ о томъ, долго ли для меня будетъ еще щебетать эта пташка? Долго ли ея слова будутъ казаться ему такимъ дорогимъ лепетомъ?

Было такъ хорошо! И что было лучше, она или эта природа, онъ не зналъ. Но чувствовалъ одно, что было грѣшно прервать ея мечтанія!

Они пріѣхали въ Никитскій садъ.

Боже, какая красота! Я гдѣ то видѣлъ, видѣлъ это!... вскричалъ онъ.

И онъ вспомнилъ. Вспомнилъ, что такъ онъ представлялъ себѣ рай.

И здѣсь онъ былъ съ нею, какъ Адамъ и Ева, одни.

Возвращаясь назадъ, они уже видѣли только силуэты самыхъ причудливыхъ формъ. Красокъ не было. Да и онѣ бы раздражали!

Да. Видѣли еще звѣзды! Отъ которыхъ они оторваться не могли!

Ей было холодно, она прижалась къ нему и съ этимъ звѣзды стали горѣть еще ярче.

Но вотъ огни Ялты. А съ ними шумъ, жизнь и конецъ этой сказки!

SKETCH IX.

Moderno

Сегодня lady society не торопится. Сегодня праздникъ. Студія закрыта. На душѣ какъ то весело, можетъ быть потому, что Пупсъ уѣхалъ.

Боже, какъ онъ надоѣлъ!

Она лежитъ еще въ постели, лакируетъ свои ногти и думаетъ.

Какъ это странно? Такъ недавно я не знала никого изъ нихъ! И они меня не знали. А теперь? Теперь, какъ они вошли въ мою жизнь!

Помню, какъ этотъ съумашедшій мальчикъ Пупсъ, какъ онъ натягивалъ у меня ковры, какъ выколачивалъ портьеры и натеръ себѣ руки до крови. И съ какой радостью все это онъ дѣлалъ!

И все для того, чтобы пробыть со мной лишній часокъ.

Каждый день онъ откладывалъ свой отъѣздъ, выдумывалъ разные предлоги!

Наконецъ вчера, когда она вернулась отъ Донона, гдѣ она обѣдала съ Ежомъ, она узнала, что онъ пріѣзжалъ проститься.

Меня не заставъ, просилъ войти и написать записку.

А самъ, прислуга разсказала, такъ и грохнулся на колѣни передъ ея кроватью, да какъ заплачетъ!

Всю подушку залилъ слезами.

Ну, а Вы, надѣюсь, перемѣнили наволочку? Поинтересовалась тогда она.

Ну, теперь надо одѣваться! У нея сегодня много хлопотъ! Надо примѣрить платье, написать письмо и непремѣнно купить ту маленькую шляпу съ синимъ крыломъ на Морской.

Глупый Ежъ, изъ за его ресторановъ нужны новыя шляпки!

Вотъ Пупсъ уѣхалъ, а съ Ежомъ еще много возни. Это не тотъ, третій, который пріѣзжаетъ три раза въ мѣсяцъ, потому что у него эти три вечера свободны.

Она одѣлась и долго смотрится въ большое трюмо.

Она довольна. Платье изящно и новая шляпка положительно къ лицу. Щеки горятъ! А чтобы глаза больше блестѣли, надо выпить кофе!

Отчего „онъ“ не любитъ красныя губы?

Прошлый разъ выкинулъ ея помадку. Вѣдь она у всѣхъ. Это красиво.

Почему то не хочется ѣхать къ Донону... А надо! Прошлый разъ уже была исторія, когда Ежъ ждалъ ее до 11 часовъ передъ домомъ. Чтобы узнать, не придетъ ли кто къ ней!

Но во всякомъ случаѣ сегодня она будетъ дома четверть десятаго. Пріѣдетъ онъ.

И надо сдѣлать это такъ, чтобы не было у Ежа подозрѣній.

Заѣзжаетъ Ежъ и они уѣзжаютъ.

Озикъ, гдѣ Вы вчера были, кого видѣли?

Была кромѣ студіи, только на Морской.

И онъ вѣритъ! И онъ счастливъ!

Въ ресторанѣ свѣтло и весело. Румыны, увидя ихъ, кланяются и начинаютъ играть ея любимаго „Бѣднаго Тома“. Знакомыхъ никого. Публика какая то странная. Смѣшаная.

Приносятъ вино. Послѣ перваго бокала, Ежъ нагибается, цѣлуетъ руки. Глаза его ласкаютъ.

Я такъ счастливъ, шепчетъ онъ. Вы со мной! Видите, я теперь совсѣмъ перемѣнился! Сдѣлался такимъ, какъ Вы хотѣли. Мнѣ только нужно для этого видѣть Ваши глаза, слышать Васъ и я снова становлюсь человѣкомъ. Озикъ, Вы меня спасли, сами того не зная!

Она смѣется.

Вотъ видите, говоритъ она. А это хорошее, оттого, что мы не женаты. А помните, какъ Вы еще стрѣлять хотѣли? И какъ Вы меня тогда еще ненавидѣли! Видите. А кто былъ правъ?

Конечно, конечно, шепчетъ онъ покорно. Я не достоинъ цѣловать Ваши пальчики, Озикъ.

Румыны играютъ уже „Сказки Гофмана“. Она слушаетъ. Ежъ не сводитъ съ нея глазъ!

Вино и музыка ее такъ захватываютъ! Она въ эту минуту счастлива. Ей весело!

Онъ что то говоритъ.

Зачѣмъ это? Въ это время ей все равно онъ или

другой. Ей такъ хорошо! Не нужно его словъ! Не нужно... А онъ все шепчетъ:

Уѣдемъ! Уѣдемъ вмѣстѣ! Я люблю Васъ. Вы знаете это. Я не могу жить безъ Васъ. Я сдѣлаю сказку изъ Вашей жизни. Буду дѣлать все, что Вы хотите! Я буду работать. До сихъ поръ жизнь моя была только кутежи. Я себя презираю въ прошломъ!

Озикъ, скажите, Вы кого нибудь любите? Скажите Озикъ!

Никого, отвѣчаетъ она искренно. Но и Васъ также не люблю! Ну куда Вы хотите, чтобы я ѣхала? Развѣ теперь можно жить? Развѣ теперь возможны эти сказки жизни?

И вскакиваетъ внезапно, вспоминая, что скоро надо быть дома.

Ѣхать, ѣхать! повторяетъ она. Мама пріѣдетъ и я должна быть дома!

И они ѣдутъ; ѣдутъ въ саняхъ. Ей не хочется съ нимъ быть въ автомобилѣ.

Дома она сейчасъ же переодѣвается въ другое платье и сердится на всѣхъ и даже на себя. Сердится потому что его, о которомъ она все время думала, съ которымъ она поѣхала бы хоть на край свѣта, его можетъ быть задержатъ другія!

Ей кажется, у него ихъ такъ много!

Непремѣнно надо сегодня объ этомъ съ нимъ поговорить. Но какъ!

Она не знаетъ. Мысли путаются немного въ ея головѣ.

Да. Она знаетъ только одно: ей жаль, до боли жаль, до слезъ, зачѣмъ онъ, какъ и она, никого не можетъ любить, кромѣ себя?

А въ поцѣлуяхъ безъ любви — нѣтъ красоты.

Это она ему скажетъ. Скажетъ непремѣнно.

Звонокъ. Она, взволнованная, бѣжитъ къ зеркалу.

SKETCH X.

Calma

На этотъ разъ Леша пришла первая. И такая послушная стояла у витрины эстампнаго магазина. Онъ хотя и не опоздалъ, но чувствовалъ себя, почему то виноватымъ, что заставилъ ее ждать. Она была немного грустна. Что съ Вами Леша? сказалъ онъ.

Мнѣ нездоровится. И кромѣ того я разстроена.

Что же, можетъ быть я Васъ обидѣлъ?

И Вы, и кромѣ Васъ, Вашу вину я сейчасъ Вамъ скажу, проговорила она поднимаясь на выставку.

Зачѣмъ Вы вчера не позвонили? Я такъ ждала. Я телефонировала къ Вамъ. Хотѣла слышать Вашъ голосъ. Думала, отвѣтите вечеромъ. Вѣдь Вамъ передали, что былъ телефонъ?

Простите Леша, сказалъ онъ, но мнѣ передали только на слѣдующее утро. А я не хотѣлъ быть назойливымъ.

Посмотрите, какая красивая картина! Какія бѣлые, бѣлые тона! показала она. Вамъ нравится?

Развѣ потому, что нравится Вамъ.

Не люблю я этой зимы. Въ особенности на картинахъ. И вообще то она что то мертвое. Въ жизни еще мирюсь съ ней, такъ какъ за ней идетъ весна.

Весна и любовь, эти двѣ неразлучныя спутницы. Тогда все просыпается! Начинаетъ любить и благоухать!

Ну какъ же въ это время намъ, бѣднымъ людямъ, не заразиться подъемомъ весны, ея любовью?

Ну, а какое же, Леша, Ваше второе горе?

Я получила письмо.

Отъ него? спросилъ онъ.

Да.

Ну что же онъ пишетъ?

Онъ не писалъ мнѣ около двухъ мѣсяцевъ, а я ему послала четыре письма. Извиняется говоритъ, что былъ занятъ.

Не пишетъ кѣмъ? спросилъ онъ.

Да нѣтъ же. Отчего Вы меня все дразните?

Ну что же Вы отвѣтили ему?

Отвѣтила длиннымъ письмомъ, въ которомъ написала, что мы съ нимъ разстаемся.

Дѣло плохо, сказалъ онъ.

Она вопросительно на него посмотрѣла.

Если хотятъ кончать, то или вовсе не отвѣчаютъ или пишутъ нѣсколько словъ. Я понимаю, что Вамъ хотѣлось написать, высказаться, но зачѣмъ же посылать это письмо?

Вы все шутите!

Какая же шутка Леша! Это шутка сквозь слезы.

Они уже подъѣзжали къ ея дому и разговоръ прекратился.

SKETCH XI.

Hialemos

Сегодня онъ опять былъ у lady society и засталъ ее очень, очень грустной.

Что съ Вами, милый? спросилъ онъ.

Я получила письмо отъ родныхъ изъ города X. Анархисты заняли домъ отца. Сначала выгнали его вонъ, затѣмъ привели опять и арестовали! Допустили къ нему только дѣтей, и то не больше какъ на пять минутъ и при стражѣ!

Вѣдь онъ уже старикъ! И больной! За что они его такъ мучаютъ? Что онъ имъ сдѣлалъ? Въ его особнякѣ были и рѣдкія картины. И мраморъ. И старая бронза, дорогіе камни на ризахъ иконъ. Деньги. Все, все погибло.

Да это ужасно! Ужасно! сказалъ онъ. А главное больно за его личныя переживанія. И также, если погибнетъ искуство.

Не нужно такъ разстраиваться, дорогая. Пусть возьмутъ у насъ все! Но они не могутъ, не должны взять нашего внутреннаго я!

Посмотрите на одного изъ Вашихъ друзей! У него шагъ за шагомъ отбираютъ все. А онъ даже веселъ!

И другихъ бодритъ! Разстраиваться изъ за этого право не стоитъ. Слишкомъ много чести этимъ грабителямъ! Не нужно, милый!

Второй разъ я чувствую, сказала она, что у Васъ есть сердце.

Вы только куда то далеко его прячете!

И Вамъ совѣтую, дорогая, дѣлать тоже. Сердце очень хрупкая, очень нѣжная часть тѣла. Отъ всего оно портится. Въ особенности отъ соприкосновенія съ людьми. Только нѣкоторымъ изъ нихъ можно его иногда обнажать. А остальнымъ только смѣхъ! Смѣяться надъ всѣми! Иначе они будутъ смѣяться надъ Вами.

Странныя у насъ отношенія, милый, продолжалъ онъ, какія то недодѣланныя! Вы хотите другихъ?

Нѣтъ, сказала она. Другихъ лучше, Вы не можете дать, тогда хоть эти!

SKETCH XII.

Accarezzevole

Они опять встрѣтились. Леша все была не совсѣмъ здорова, а онъ все смѣялся и смѣялся надъ ней.

Вы знаете, я заразилась отъ Васъ. Я тоже написала Sketch, и хочется, и боюсь его Вамъ показать. Вы будете и надъ нимъ смѣяться. А это, правда, правда! Все, что я чувствовала! Можетъ быть плохо написала, но я писала, какъ вышло.

Ну дайте прочитать, сказалъ онъ.

И она передала ему конвертъ.

Проводивъ ее, онъ принялся читать. Она писала: Они рѣшили встрѣтиться сегодня у выставки и она, когда ѣхала, боялась, что онъ не придетъ. Боялась, такъ какъ вчера онъ почему то не отвѣтилъ на ея телефонъ. И вотъ, подъѣзжая, она нервничала и злилась. Почему злилась, она не знала.

Дожидаясь у магазина съ открытками, она даже стала сердиться на незнакомую даму, прошедшую мимо съ господиномъ, лицо у которой было оживлено и счастливо.

Буду ли я когда нибудь такая? Но отвѣтъ не успѣлъ придти, какъ подошелъ онъ.

На выставкѣ онъ опять трунилъ надъ ней. Она не обижалась, но непонятно, думала она, какъ такой чуткій и не видитъ, что это мнѣ больно! А впрочемъ, можетъ быть эта боль только ему и нравится. Вѣдь есть же люди, которые любятъ мучить!

Особенно сегодня она выносила это съ трудомъ, когда чувствовала себя больной. Онъ ей сказалъ: Зачѣмъ больная пришли? Хотѣла видѣть Васъ, отвѣтила она.

И онъ какъ будто не повѣрилъ.

Что жъ, пусть не вѣритъ. Это пожалуй и лучше.

На выставкѣ было очень мало людей и въ уголкѣ онъ прочелъ ей свои послѣдніе Sketch'и и ей они очень понравились. Она чувствовала, что хорошо! Но сейчасъ ее больше интересовало другое: та женщина, о которой онъ пишетъ. Близка ли она ему?

И при этой мысли ей сдѣлалось какъ то пусто и мрачно.

Но она засмѣялась и спросила. Кто же эта женщина?

Онъ ей отвѣтилъ, это его фантазія.

На этомъ разговоръ оборвался.

Она вспомнила, что принесла свои карточки, о которыхъ онъ просилъ. Ему понравились двѣ. Онъ посмотрѣлъ всѣ, и всѣ возвратилъ.

Зачѣмъ онъ не попросилъ ихъ? подумала она, но самой предложить не хотѣлось. Но онъ поймалъ ея мысль и сказалъ:

Она подумала, отчего онъ не попросилъ, а ему хотѣлось, чтобы она предложила.

Тогда она протянула ему молча двѣ, выбранныя имъ,

и ей было безконечно пріятно, когда онъ взялъ. Выйдя съ выставки, дорогой, она разсказала ему, что получила сегодня письмо изъ города С., и что уже отвѣтила на него полнымъ разрывомъ. И что то ее раздражало во время дороги. Даже онъ. Можетъ быть причиной этого было нездоровье, а можетъ быть и этотъ разрывъ. Все таки около 2-хъ лѣтъ.

Хоть и есть огонекъ впереди, но прошлаго жаль!

Говорили еще объ увлеченіи. Она говорила, что боится имъ сильно увлечься. Это будетъ такъ больно! Потомъ.

А онъ утверждалъ, что она и не умѣетъ увлекаться. Она льдинка!

И это его такъ и притягиваетъ къ ней. Растопить льдинку. Что выйдетъ?

Напрасно онъ считаетъ ее льдинкой. Она только умѣетъ скрывать свое чувство.

Начинало вечерѣть.

Ужасно ошибся, сказалъ онъ у ея подъѣзда, не расчиталъ времени. Не думалъ, что будетъ такъ свѣтло. Она поняла, что онъ хочетъ этимъ сказать. И ей тоже стало жаль, отчего не темно?

И хотѣлось его ласки.

Быстро овладѣвъ собой, она протянула ему руку и вошла въ подъѣздъ. А такъ этого не хотѣлось! И думалось, отчего онъ ушелъ?

Нѣтъ надо бороться со своимъ чувствомъ, нельзя распускаться. У меня есть сила воли, она меня удержитъ отъ глупостей! Хотя онъ и говоритъ, что любитъ, когда женщины дѣлаютъ глупости. Это такъ женственно!

Но мало ли, что онъ любитъ?

Она вошла къ себѣ. Не хотѣла разговаривать съ родными, сняла пальто и прилегла. Взяла книгу, но не могла ничего понять.

Нѣтъ, не могу, позвоню ему.

Но онъ былъ занятъ и просилъ разрѣшить позвонить попозже, когда у него въ головѣ будетъ только она.

Мнѣ такъ этого хочется, добавилъ онъ.

Она ушла въ свою комнату и стала думать? Какъ это странно? Почему этотъ человѣкъ, такой для нее чужой, и захватилъ такъ вдругъ ее?

Чужой? А въ тоже время и близкій, и родной?

Нѣтъ надо бѣжать отъ этого чувства. Онъ все хочетъ знать правду. Ну что я ему скажу? Что я начинаю его любить? Да онъ и не повѣритъ, прежде всего! Нѣтъ, это больно! Лучше, молчать. И быть веселой, какъ онъ.

Кто эта женщина, lady society? Очевидно онъ ее любитъ. Онъ такъ часто ее видитъ. А я, такъ, просто забава.

Вдругъ телефонный звонокъ! Его звонокъ!

Она чувствуетъ! Подбѣгаетъ и слышитъ его голосъ. Такой милый, милый! И все забыто. И на душѣ свѣтло.

Послѣ разговора она рѣшила: да я его люблю. Буду ли я отъ этого счастлива?

Не знаю. Можетъ быть и нѣтъ.

Но сейчасъ не хочу, не хочу думать объ этомъ.

SKETCH XIII.

Alla-diritta

Его потянуло сегодня къ своему другу. Странныя у нихъ были отношенія. Въ одномъ городѣ они жили, а не видѣлись другой разъ по мѣсяцамъ. Когда же у кого изъ нихъ случалось, что нибудь яркое, онъ вспоминалъ сейчасъ же о другомъ и шелъ къ нему, чтобы подѣлиться.

Сначала они говорили съ нимъ о дѣлахъ. Объ одной общей родственницѣ и оба рѣшили, что трудно встрѣтить интиллегентнаго человѣка съ такой рѣдко мѣщанской душой.

Говорили о другомъ другѣ, ихъ моложе, въ отъѣздѣ, и чувствовалась, что обоихъ ихъ какъ-то влекло къ нему.

Послѣ завтрака товарищъ его спросилъ: Что же это то яркое, что заставило тебя вспомнить о мнѣ?

И онъ началъ говорить, подходя постепенно къ этому вопросу. Вспомнилъ всю свою жизнь, гдѣ какъ онъ говорилъ, онъ всегда съ чѣмъ нибудь возился, создавалъ какія нибудь дѣла. Раньше это выражалось въ какихъ нибудь предпріятіяхъ. Но все это интересовало его всегда только до тѣхъ поръ, пока они создавались. А потомъ,

потомъ они были только его обязанностью. Душа уходила отъ нихъ.

И онъ опять начиналъ искать что нибудь новое, другое, куда можно было бы вложить свою душу. Теперь, когда работать въ этой сферѣ нельзя, теперь, когда вся эта часть жизни остановлена, онъ нашелъ себѣ выходъ въ другомъ. Онъ опять сталъ заниматься языками, англійскимъ и французскимъ, переводами, компиляціями.

Это его заинтересовало. Нѣтъ мало, это его увлекло!

Да онъ впрочемъ и не понимаетъ какъ можно что нибудь дѣлать безъ увлеченія.

Сейчасъ онъ сильно переживаетъ, и это заставило его попробовать записать эти переживанія. Работа его захватила. Можетъ быть оно, это писательство, прекратится вмѣстѣ съ переживаніями, онъ не знаетъ. Ну что жъ! Онъ тогда будетъ горѣть чѣмъ нибудь другимъ!

Безъ огня онъ не понимаетъ жизни!

Другъ его отнесся къ этому какъ то скептически. Говоря, что его творческое начало всю жизнь выражалось на коммерческомъ поприщѣ. Онъ работалъ, какъ дѣлецъ. Между тѣмъ это два различные полюса. У дѣльца всегда расчетъ на первомъ планѣ. А надъ писателями даже смѣются, какъ они не практичны.

Онъ возражалъ. Онъ говорилъ, дѣльцы бываютъ разные. Одни дѣйствительно дѣльцы съ расчетомъ. Другіе, — ихъ дѣло дать идею, фантазію! И такъ какъ разсчетъ всетаки необходимъ, то онъ у нихъ въ грубыхъ, часто даже невѣрныхъ, цифрахъ. Это дѣльцы фантазеры! Они не любятъ этого расчета. Онъ мѣшаетъ

ихъ фантазіи! Можетъ быть они даже отъ этого проигрываютъ, но они маніаки своей идеи.

Да впрочемъ, что здѣсь спорить? Надо прослушать, что онъ написалъ.

Конечно, конечно, согласился другъ.

И онъ началъ читать. Съ первой его вещью, онъ чувствовалъ что она нравится.

Затѣмъ онъ читалъ дальше и дальше, и несмотря на то, что ихъ часто прерывалъ телефонъ и впечатлѣніе перебивалось, онъ видѣлъ, что это увлекаетъ его друга.

Увлекало его, даже нѣсколько уставшаго за послѣднее время въ жизни, и возбуждало въ немъ желаніе тоже жить и переживать, какъ онъ это дѣлалъ раньше, когда онъ тоже горѣлъ.

Они разстались.

SKETCH XIV.

Ironicamente.

Сегодня онъ сдѣлалъ Лешѣ больно. Ей непремѣнно хотѣлось ѣхать въ эту субботу въ Москву. И даже ей нужно было. Нужно, потому что ея подруга, которой она вѣритъ, сказала еще въ прошломъ году, что тамъ продается отличное бѣлье и очень дешево.

Да, еще хотѣлось?

Хотѣлось, какъ она сказала, пробыть съ нимъ нѣсколько дней вмѣстѣ.

И вотъ его дѣла заставили отложить эту поѣздку. И онъ долго не могъ собраться сказать ей это. Наконецъ позвонилъ.

Я Вамъ долженъ сказать непріятную вещь.

Что случилось? испугалась она.

Наша поѣздка должна быть отложена. Мои дѣла такъ сложились.

Ахъ только... А я думала, что нибудь особенно худое.

Я Вамъ мѣшаю, продолжалъ онъ, у Васъ сегодня гости?

Не Вы, а они мнѣ мѣшаютъ говорить съ Вами.

Когда мы увидимся? продолжалъ онъ.

Вечеромъ, когда они уйдутъ, я Вамъ позвоню.

И телефонъ прекратился.

Около 12 часовъ опять звонокъ. Спрашивала уже она.

Когда же и гдѣ увидимся завтра? Куда поѣдемъ?

Онъ предложилъ сначала Яхтъ-Клубъ, кататься съ горъ, пока свѣтло. Но потомъ вспомнилъ, что завтра онъ обѣщалъ днемъ быть у lady society и поэтому онъ не можетъ.

Знаете, говорила она. Это начинаетъ меня злить! Пора ужъ это бросить. Зачѣмъ Вамъ она теперь?

А какъ же Sketch'и безъ нея, Леша, вѣдь погибнетъ искусство?

Неужели Вы этого хотите, иронизировалъ онъ.

Вотъ, если бы Ваше чувство теперь начиналось не на букву з, а на р, ну тогда другое дѣло. А пока оно, какъ Вы говорите злость, его Вамъ надо сдерживать.

Впрочемъ, если Вы этого очень не хотите, я заѣду къ ней въ другой разъ.

Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала она. Пожалуйста!

Если Васъ туда тянетъ, какъ Вы говорите, мы можемъ встрѣтиться вечеромъ.

Impreviso

А хорошо бы кутнуть завтра Леша? Можно было бы въ четверомъ, вспомнилъ онъ своего друга. Навѣрное у Васъ есть какая нибудь подруга?

Ухъ, какъ хорошо было бы! Очень хотѣлось бы встряхнуться! отвѣчала она.

Все это время мы, лично, жили такъ сѣро, съ этой революціей. Въ четверомъ конечно веселѣе! Но, что касается меня, я веселья не ищу! Да, я думаю, что и Вамъ не будетъ скучно со мной. А мнѣ такъ хочется побыть только съ Вами! Вѣдь это будетъ нашъ первый разъ! Что бы намъ никто, никто не мѣшалъ!

Послѣ того, какъ онъ отложилъ свою поѣздку въ Москву, причинить ей вторую боль у него не хватило духу. Хотя для него это было и не совсѣмъ во время, но ему такъ этого тоже хотѣлось и онъ обѣщалъ.

SKETCH XV.

Adue

На слѣдующій день онъ съ Лешей въ одномъ изъ фешэнебельныхъ ресторановъ. Изъ залы слышна музыка румынъ. Слышенъ ихъ говоръ даже, такъ какъ ихъ кабинетъ соприкасается съ эстрадой.

Имъ кажется, и этотъ говоръ имъ мѣшаетъ; и онъ проникаетъ въ ихъ переживанія. Они просятъ закрыть завѣшанное окно.

Пусть будетъ меньше музыки, но людей, другихъ людей имъ не надо! Тогда ужъ они совсѣмъ одни. Изрѣдко только входитъ безшумно лакей. Но онъ не нарушаетъ ихъ настроенія, онъ какъ будто ничего не видитъ и не слышитъ.

Они кончаютъ обѣдать и переходятъ пить искристое вино на оттоманку.

Вдругъ вбѣгаетъ распорядитель. Нарядъ милиціи! говоритъ онъ съ испугомъ и проситъ допить вино въ бокалахъ, пряча бутылку въ пальто Леши.

И все это имъ смѣшно.

Леша вскакиваетъ и почему то передъ зеркаломъ начинаетъ пудрить свой носъ.

Черезъ нѣсколько минутъ говорятъ, что матросы

ушли, не заглянувъ въ кабинеты. Должно быть заглянули у хозяина во что нибудь, другое думаетъ онъ.

И вотъ опять музыка. Музыка румынъ и любви. Леша разсказываетъ про свою первую любовь.

Но теперь, добавляетъ она, это кончено навсегда! И кончено короткимъ письмомъ, какъ Вы хотѣли.

Ну, а какъ у Васъ съ моими двумя соперницами? интересуется она...

Онъ объясняетъ ей, что между нимъ и lady нѣтъ ничего, кромѣ хорошихъ дружескихъ отношеній. Ну, а съ сестрой онъ покончитъ. И покончитъ завтра же. Будете ее цѣловать? перебиваетъ Леша.

Да нѣтъ же, нѣтъ, милый! Губы туда не тянутся. Идутъ къ другой!

И какъ бы желая это доказать, онъ начинаетъ ее горячо цѣловать.

Домой быстро ѣдутъ на лошади.

Лица ихъ почти не отдѣляются другъ отъ друга. Больше молчатъ. Только рѣдко, рѣдко, какое нибудь короткое словечко, обрывокъ мысли.

Имъ все равно видитъ ли ихъ кто нибудь или нѣтъ. Другого міра для нихъ нѣтъ.

Подъѣзжаютъ къ ея подъѣзду, гдѣ безконечно долгое разставаніе. То она хочетъ оторваться отъ него, а онъ ее удерживаетъ, то съ нимъ происходитъ то же самое. Наконецъ онъ полу-шутя, полу-серьезно проситъ позволить войти въ ея квартиру.

А мои старики? Я ихъ обижу, шепчетъ она и вырывается изъ его рукъ.

Подождемъ до Москвы! Такъ красивѣе! Для новаго чувства новое мѣсто! Пусть оно тамъ разцвѣтетъ. Ты тамъ будешь совсѣмъ мой!

И она исчезаетъ.

SKETCH XVI.

Apolalerion

Сегодня у него было объясненіе съ сестрой. Она сама открыла ему дверь. Очевидно ждала. Лицо ея было совсѣмъ спокойно. Только глаза были какъ то немного расширены.

Сначала были разговоры на общую тему. Затѣмъ, что онъ подѣлываетъ, горитъ ли чѣмъ или кѣмъ нибудь. И наконецъ она прямо его спросила. Ну, а какъ Вы ко мнѣ? Совсѣмъ ужъ отгорѣли?

Ему было непріятно отвѣчать на этотъ вопросъ. Онъ все боялся послѣдствій своего отвѣта. И онъ сказалъ: не знаю.

Она заговорила о другомъ. Потомъ вышла зачѣмъ то изъ комнаты и, возвратясь, опять спросила: Какъ это Вы не знаете отгорѣли ли Вы? Не понимаю! Вы не бойтесь. Я ничего не сдѣлаю.

Онъ набрался храбрости и отвѣчалъ, что думаетъ, у него уже все ушло.

Есть только дружеское. Большое дружеское чувство!

Ну вотъ и хорошо, перебила она. Я чувствовала это.

Послѣднее время между нами были только дѣла и... половое чувство.

Онъ обрадовался, что она такъ легко отнеслась къ этому и началъ говорить ей о томъ, какъ эти отношенія красивы, когда есть увлеченіе и какъ все опошляется, когда оно уходитъ. Сначала чудно хорошо! Какъ все пріятно волнуетъ! Затѣмъ, когда отношенія окрѣпнутъ, этотъ божественный экстазъ, эта страсть, которая спускается на влюбленныхъ.

Развѣ она не красива?

Напрасно нѣкоторые говорятъ, что въ ея предѣльномъ аккордѣ нѣтъ красоты! Она есть! Она громадна! Но все это только тогда, когда есть взаимное увлеченіе. Когда же оно уходитъ и остается только нудное чувство какой-то половой дружбы, это что-то мертвое!

Мнѣ кажется, говорилъ онъ, что такія отношенія имѣть даже грѣхъ. Не говорю о женатыхъ, у нихъ тамъ другое. Тамъ люди живутъ вмѣстѣ хоть для дѣтей или, для кажущагося имъ, удобства жизни.

А когда люди сошлись такъ, и у нихъ страсть остыла, надо имъ сейчасъ же кончать.

Такія отношенія, это какая то инерція на половой почвѣ. Они мѣшаютъ переживать красивое съ другимъ, или другой. Конечно, если они молоды и могутъ еще нравиться! Этотъ моментъ, когда чувства остыли, и есть то „во время уйти“, что такъ важно всегда въ жизни.

Да. Но жалко этихъ лѣтъ, сказала она, они какъ будто бы даромъ пропали!

Какъ даромъ, удивился онъ, а сколько переживаній?

Сколько они обогатили душу каждаго изъ насъ! Я, напримѣръ. Я чувствую себя лучше, разумно добрѣе.

Этой безсмысленной доброты я и теперь не признаю! А Вы, развѣ не чувствуете, что стали духовно богаче? Одинъ другому внесъ, что могъ! Мы стали духовно выше!

Кстати я вообще не понимаю, какъ это людямъ, ему или ей, непріятна прежняя связь. Непріятно, что у нихъ были предшественники, которыми до нихъ увлекались.

Вѣдь, если она мнѣ нравится, то что же эта она представляетъ изъ себя теперь? Въ ней есть непремѣнно часть души его, моего предшественника. И можетъ быть безъ этого она и не нравилась бы мнѣ вовсе! Въ такихъ отношеніяхъ каждый обогащаетъ душу другого.

Да, проговорила она съ грустью, можетъ быть для насъ это правильный выходъ разойтись. У насъ у обоихъ уже все сгорѣло. Ну, а если бы у одного потухло, а у другого еще теплится. Здѣсь, что же дѣлать по Вашему?

Мнѣ кажется, въ такомъ случаѣ этотъ другой долженъ отойти, долженъ дать дорогу! Все равно его огонь уже никогда не разгорится. Можетъ быть даже обратится во что то злое, нехорошое.

И если онъ не уйдетъ это будетъ похоже на какихъ то молюсковъ, присосавшихся къ борту корабля на ходу, не могущихъ жить отдѣльной жизнью. Да у нихъ и нѣтъ своей жизни! Они всегда къ кому нибудь прилипнутъ. Это какіе то „Нищіе духомъ“!

Пусть отойдутъ и ждутъ другого огня. Здѣсь имъ хорошаго ничего ужъ не будетъ.

И такъ, мы теперь только друзья? закончилъ онъ.

Я чувствую, что Вы правы и мнѣ надо уѣхать куда нибудь изъ Петрограда. Вы будете мѣшать мнѣ переживать.

Конечно, конечно, сейчасъ же согласился онъ.

Вѣдь Вы молоды, красивы. Сколько впереди у Васъ будетъ переживаній?

Я даже вспоминаю я Вамъ мѣшалъ увлекаться. Чуть кто нибудь начинаетъ Вамъ нравиться, я невольно выставлялъ его Вамъ въ смѣшномъ видѣ. Ну, и конецъ иллюзіямъ.

Очевидно это какое-то чувство собственника, развивающееся даже и къ тому, что тебѣ и не такъ ужъ сейчасъ нравится. Это-мое, значитъ не тронь.

Въ другомъ мѣстѣ Вамъ несомнѣнно будетъ лучше. Это мой первый чисто дружескій совѣтъ.

И такъ, до свиданія, дорогая.

Хорошо, я подумаю, сказала она. Во всякомъ случаѣ искренно желаю Вамъ найти большое, яркое счастіе.

Спасибо, милый, и Вамъ тоже!

Вы знаете, добавила она, мнѣ даже хочется почему то Васъ перекрестить.

Ну, этого ужъ не надо! сказалъ онъ, одѣваясь.

SKETCH XVII.

A ballata

Ей, этой балетной звѣздочкѣ, очень хотѣлось сдѣлать елку. Вѣдь это такъ будетъ напоминать ей семью. Вѣдь это дѣлалось у нея всегда, когда мужъ еще не увезъ ея сына.

Она начала собираться за двѣ недѣли. Стала звать своихъ знакомыхъ. И мужчинъ. И подругъ. И инженера.

Можетъ быть и онъ немного отогрѣется на этой елкѣ, не будетъ ужъ такой размѣренный да холодный. А я можетъ быть буду имѣть какую нибудь иллюзію счастья!

Захлопоталась она до послѣдняго дня и забыла купить чуть не самое главное, елочныя свѣчи. И вотъ она проситъ инженера сдѣлать ей этотъ рождественскій подарокъ-подарить елочныя свѣчи.

Почему же для Вашей елки непремѣнно нужны елочныя свѣчи? Я подарю Вамъ нѣсколько обыкновенныхъ, вѣдь ихъ можно же нарѣзать.

Не понялъ ея инженеръ. Ей хотѣлось имѣть настоящую елку, какъ она представлялась ей въ прошломъ.

И она уже сама купила себѣ елочныя свѣчи.

И вотъ пришелъ ея праздникъ. Было нѣсколько

подругъ, звѣздочекъ изъ балета. Столько же мужчинъ. Изъ нихъ четыре балетомана. Трое еще порхали, а одинъ былъ ужъ осѣдлый. Его цвѣтокъ, на которомъ осѣлъ онъ, тоже былъ здѣсь.

Былъ мужъ одной балетной. Былъ инженеръ, конечно. За обѣдомъ ухаживали всѣ; пили много вина. И много, много говорили.

Молчалива была только хозяйка. Молчалъ также мужъ артистки.

Что молчалъ мужъ, въ жену влюбленный, сидя отъ нея такъ далеко, удивляться не приходилось. Но была молчалива хозяйка? Очевидно гроза приближалась!

Инженеръ ухаживалъ все время за ея подругой-мальченкой. Такъ ухаживалъ, что даже забылъ про свое здоровье.

И хозяйка все молча сидѣла. И только ротъ открывала, чтобы предложить что нибудь другимъ, не имъ инженеру съ подругой.

Инженеръ дѣлался все смѣлѣе! Очевидно нравился онъ и подругѣ. А можетъ быть и вино этому помогало. А можетъ быть и ихъ, какъ говорятъ, бабья доля!

Послѣ обѣда хозяйка непремѣнно хотѣла зажечь свою елку.

Но о ней всѣ гости давно позабыли.

Зачѣмъ намъ елка, зачѣмъ хозяйка, когда есть милыя дамы, думали мужчины. А дамы: за нами ухаживаютъ, мы нравимся, больше намъ ничего сейчасъ не надо!

Было такое настроеніе.

Мужъ артистки заигралъ на роялѣ. Игралъ онъ что

то изъ балета. И дамы не вытерпѣли, затанцовали. Каждая то, что въ театрѣ. И пришло красивое къ хорошему настроенію. И красивое, и музыка.

Но понемногу и этого стало мало. Хотѣлось чего то другого.

И попарно стали гости пропадать изъ гостиной и выбирать уголки поукромнѣй. Рядомъ въ спальнѣ хозяйки глубокій диванъ былъ. И на немъ скоро были три пары. Близко, близко другъ къ другу.

Мѣста вѣдь имъ не хватало!

Инженеръ тамъ былъ съ подругой-мальченкой, рядомъ съ ними одинъ изъ порхающахъ балетомановъ съ другой ея подругой брюнеткой, а еще рядомъ другая ея подруга съ своимъ осѣдлымъ балетоманомъ.

И можетъ быть онъ былъ причиной, что они сидѣли такъ близко: очень ужъ онъ былъ полонъ.

Пришли дѣтски наивные глазки.

Пришли, постояли и даже спросили можетъ быть и ей будетъ мѣсто?

Посмотрѣли, и сами увидали, что и имъ то, лежащимъ, его не хватаетъ. А уступить никому не хотѣлось!

И пошли они опять къ своей елкѣ.

А на диванѣ, хотя и мало стѣснялись другъ друга, тамъ были все отдѣльныя пары, тамъ хотѣлось чего нибудь посильнѣе!

Эти другіе бродили и имъ такъ мѣшали.

Тамъ? Тамъ огонь потушили.

Сейчасъ же вбѣжали наивные глазки и сдѣлали тотчасъ же свѣтъ. Но всетаки тамъ кое-что успѣли

и были слышны звуки поцѣлуевъ. Но кто цѣловалъ, неизвѣстно.

Да, впрочемъ, потомъ разсказали, одинъ изъ балетомановъ цѣловалъ руку у инженера. Онъ ошибся. Больно ужъ близко лежали.

Дѣтски наивные глазки просили больше темноты ужъ не дѣлать.

А съ ними и со свѣтомъ тамъ вернулись на землю. И вспомнили, что домой пора отправляться.

На этомъ глубокомъ диванѣ остались ночевать двѣ подруги, одна изъ нихъ подруга мальченка.

А въ комнатѣ рядомъ, въ бѣлой умывальной, долженъ былъ инженеръ спать.

Туда же пришли подруги умываться, и когда подруга-мальченка одна осталась инженеръ продолжать сталъ, что начиналъ на диванѣ.

Но къ счастью вошла прислуга и имъ помѣшала.

Что жъ это матушка, нашъ то? совсѣмъ ужъ сталъ вѣдь безстыжій? Вхожу это я, она мылась, а онъ вѣдь совсѣмъ ужъ облапилъ!

Такъ говорила она хозяйкѣ. А та промолчала.

На слѣдующее утро подруги пошли въ театръ. Наивные глазки остались дома. Инженеръ какъ только всталъ началъ домой собираться. По самому неотложному дѣлу! Наскоро выпилъ онъ кофе и скорѣй одѣваться.

О вчерашнемъ разговоръ начался только въ передней.

Adiratamente

Я прошу Васъ не уходить, Дмитрій Дмитріевичъ, не переговоривъ со мной о Вашемъ вчерашнемъ поведеніи, сказала хозяйка спокойнымъ и твердымъ голосомъ.

Не люблю я этихъ сценъ, да кромѣ того мнѣ сейчасъ и нѣкогда. Я пріѣду на дняхъ и тогда переговоримъ, отвѣчалъ инженеръ ей, застегивая пальто.

Никакихъ сценъ! Я ихъ тоже не люблю! ему отвѣчали.

Да и никуда Вы не пойдете! повысила она тонъ, видя, что онъ всетаки одѣвается и старается уйти.

И глазки, превратясь изъ наивныхъ въ горящіе, быстро заперли на ключъ дверь и выбѣжали, чтобы ключъ спрятать!

Инженеръ бросился къ черному ходу, но его сейчасъ же предупредили, что это напрасно! Что уже давно у ней ключъ отъ чернаго хода!

Лгали глазки и только своимъ тономъ его убѣдили.

Видя, что сцена неизбѣжна инженеръ въ пальто и шапкѣ мрачно на стулъ опустился.

Ну хорошо, спросилъ онъ, такъ что же Вы отъ меня хотите?

И глазки уже опять спокойны:

Дмитрій Дмитріевичъ, всю эту обиду, все это вчерашнее, я вынесла. Я виду другимъ не показала, но я хотѣла бы знать за что это? Чѣмъ я заслужила? Если я Вамъ не нравлюсь, Вы можете всегда уйти, я вѣдь Васъ не держу! Но за что Вы меня цѣлый вечеръ оскорбляли?

Заладили оскорблялъ, оскорблялъ! говорилъ инженеръ: Ну чѣмъ я Васъ оскорбилъ? не понимаю! Я былъ въ хорошемъ настроеніи, ухаживалъ. Я не зналъ, что этого нельзя! У Васъ всѣ такъ себя вели! Я не выходилъ изъ общаго настроенія.

Да что Вы говорите! прервали его уже глазки сердито. Вы ничего не дѣлали! Да если бы было такъ, моя прислуга, Наталья, не возмущалась бы Вашимъ поведеніемъ! Хоть бы баринъ здѣсь постѣснялся, не говорила бы!

Какая прислуга! удивился инженеръ.

Все это вздоръ! Бабьи сплетни! Ничего она немогла видѣть и Вамъ говорить!

Ахъ значитъ, я лгунья? возмутилась хозяйка. Ну, если Вы мнѣ не вѣрите, тогда ее спросите, и позвала Наталью.

Прислуга явилась и ее стали спрашивать уже сердитые глазки.

Въ зимнемъ пальто и шапкѣ инженеръ все сидѣлъ и молчалъ.

Правда, Наталья, вчера въ умывальной Вы видѣли, какъ баринъ обнималъ мою подругу?

Да что ужъ барыня и говорить, та отвѣчала. Конечно выпивши они тогда вѣдь были. Грѣхъ былъ. Я видѣла точно.

И чувствуя, что ей не мѣсто въ такихъ господскихъ разговорахъ проскользнула въ кухню.

Все это вздоръ, ей показалось, говорилъ инженеръ послѣ. Мало ли что баба можетъ придумать? Во вся-

комъ случаѣ мы объяснились и ключъ мнѣ давайте! Я уходить долженъ, подошелъ онъ къ ней, сжимая ея руку.

Нѣтъ, не отдамъ, говорили сердитые глазки и съ этими словами куда то упали.

Инженеръ такъ толкнулъ ее сильно!

И оскорбленія льются. Взаимныя оскорбленія, оскорбленія, которыя больше маряютъ того, кто ихъ скажетъ...

Виноватъ ли я, что Ваша подруга вѣшается мнѣ на шею? Причемъ здѣсь я-то? Слышится голосъ инженера.

Теперь уже... бѣшеныя глазки глядятъ и ничего не отвѣчаютъ.

Ключъ мнѣ отдайте, инженеръ кричитъ грозно.

Но не отдаютъ его бѣшеные глазки. Говорятъ, что мы еще будемъ завтракать вмѣстѣ, когда тѣ вернутся изъ балета. Очевидно планъ какой то родился.

И опять начинаются оскорбленія, опять начинаются обиды. Наконецъ все стихаетъ. Молчитъ инженеръ, сидя въ той же позѣ. Молчатъ уже спокойные глазки. Молчатъ и ходятъ по квартирѣ. Проходитъ часъ, проходитъ два. Оба молчатъ все. Молчатъ до тѣхъ поръ, пока звонокъ не раздается.

Теперь уже мстительные глазки дверь широко отворяютъ.

А онъ?... Онъ хочетъ имѣть отъ этого пользу, хочетъ проскользнуть вслѣдъ за ними. Но глазки зорко за нимъ наблюдаютъ! Если бы онъ ушелъ, не было бы мщенія!

Приходятъ двѣ ночевавшія подруги и съ ними балетоманъ осѣдлый.

Инженеръ здоровается спѣшно, говоря, что торопится очень.

Никуда Вы, Дмитрій Дмитріевичъ, не пойдете, прерываютъ его и дверь на ключъ опять затворяютъ. Намъ вѣдь поговорить еще надо!

Слушай, Лида! обращается хозяйка къ подругѣ-мальченкѣ.

Безъ Васъ мнѣ Дмитрій Дмитріевичъ наговорилъ очень много плохого! А главное о тебѣ, о моей подругѣ!

Я конечно ему не вѣрю! Не можетъ быть, чтобъ это было! Ты очевидно знаешь живу второй годъ я съ нимъ вѣдь! Худъ онъ или хорошъ онъ, это мое дѣло.

А теперь, теперь говоритъ онъ, что ты вчера вѣшалась ему на шею?

Подлецъ! прервала его подруга, почему то вся выпрямляясь. Ты вѣдь видишь меня то? Никому я вѣшаться не нуждаюсь! Нахалъ! добавила подруга.

Ну, а теперь, закричали бѣшеные глазки, теперь, Дмитрій Дмитріевичъ, вонъ изъ моего дома!

Закричали и бросили ему ключъ въ ноги. А сами тутъ же упали.

Забывъ объ изнашиваніи сердца, хватаетъ инженеръ ключъ съ пола и бросается вонъ изъ этого дома, гдѣ его такъ не оцѣнили.

SKETCH XVIII.

Affitto

Онъ заѣхалъ опять къ ней, къ этой обиженной балетной звѣздочкѣ. Ему вспомнились ея глаза, какъ они тогда блестѣли. А теперь? теперь въ этихъ глазахъ уже было что-то не то; былъ какой-то страхъ одиночества. Была тоска!

Вы знаете, говорила она. Я за это время много, много думала и пришла къ тому, что очень рѣдко можно встрѣтить человѣка, который искренно любитъ. А потому никто не долженъ, не имѣетъ права, отталкивать любовь, если бы она была хотя самая малюсенькая.

Я вспомнила свое „прощай“ съ мужемъ. Но тамъ была другая женщина!

Мнѣ вспомнилось, какъ я поссорилась со своимъ послѣднимъ другомъ изъ за пустяковъ.

Глупо было! Безсмысленно! А какъ я жалѣла потомъ? Теперь не то; теперь я стала опытнѣе! Теперь я знаю мужчинъ.

Знаю, что Вы не можете жить безъ этихъ маленькихъ измѣнъ. Такіе ужъ Вы, простите, пакостники!

Теперь мнѣ кажется, если у моего инженера дѣйствительно есть что то ко мнѣ, хоть самое маленькое, то

я не имѣю права съ нимъ разстаться. Я должна прежде всего узнать есть ли что.

И вотъ я написала ему письмо. Прочтите, сказала она подавая его.

Онъ сталъ читать: Какъ человѣкъ, который говоритъ любитъ меня, Вы не имѣли права оставлять меня въ томъ состояніи, въ которомъ я находилась этотъ вечеръ 25-го и ночь на 26-ое декабря.

Вѣдь Вы такъ много же придаете значенія этому „здоровью".

Будучи всегда справедлива, я нахожу, что форма въ которую вылилось мое негодованіе безспорно была и недостойна меня, и мало красива. Я въ правѣ была поступить еще такъ безъ постороннихъ свидѣтелей.

Но вина не моя, если Вы, видя въ какомъ состояніи я нахожусь, все дѣлали чтобы его еще ухудшить. Я Васъ предупреждала, Васъ просила дать мнѣ возможность успокоиться. И вотъ въ результатѣ оскорбленіе за оскорбленіе.

А между тѣмъ Вы, извѣстный инженеръ, какъ говорятъ, выдающійся по уму, и что Вы дѣлаете во время нашей ссоры? Вы все время подливаете масла въ огонь! Что же это значитъ Ваше поведеніе, какъ не сплошное издѣвательство надо мною? Зачѣмъ? За что?

Во всякомъ случаѣ сейчасъ, я думаю, Вы поплатились за Вашъ поступокъ. Полагаю, его Вы совершили подъ настроеніемъ.

И потому пишу Вамъ первая я.

Если Вы меня дѣйствительно любили, то прежде всего

Вамъ должно быть тяжело потерять меня. Конечно задѣты гордость и самолюбіе! Наши отношенія, какъ мнѣ кажется, были серьезны. (Вы вѣдь не можете упрекнуть меня ни въ какой корысти), и пренебрегать ими не слѣдовало бы.

И вотъ, если это была не ошибка, а чувство, хоть небольшое, которое было и есть, Вы конечно воспользуетесь моимъ письмомъ, чтобы уладить все происшедшее.

Къ счастью эта маленькая драма произошла въ нашемъ близкомъ кругу. Сегодня это можетъ случиться у насъ, завтра у нихъ.

И такъ, кончаю! Если Вы не-отвѣтите, я, съ своей стороны, сдѣлала все, что могла. Людей умныхъ много, но людей искренно насъ любящихъ очень мало! Настоящее чувство чутко! Ну, а если его нѣтъ, не о чемъ и сожалѣть!

Ну что? спросила она.

Очевидно Васъ тянетъ всетаки къ нему, отвѣчалъ онъ.

Да нѣтъ же! Вы понимаете, я только боюсь пройти мимо чувства. Его не замѣтить, а потомъ жалѣть!

По моему, продолжалъ онъ, въ вопросахъ чувства идите всегда, куда оно Васъ влечетъ. Вы человѣкъ уравновѣшенный. Не мудрствуйте лукаво! Размышлять хорошо только въ дѣлахъ. А чувство, оно само всегда Васъ выведетъ куда нужно. И тогда оно будетъ нормальное, неискусственное!

Ну и что же онъ отвѣчалъ? спросилъ онъ.

Письмо только что свезла Наталья.

Какъ та Наталья, свидѣтельница? И онъ не поморщился?

Нѣтъ. А впрочемъ не знаю. Она встрѣтила его на лѣстницѣ. И онъ спросилъ, нуженъ ли отвѣтъ. Спросилъ, какъ будто бы ничего не произошло!

И когда узналъ, что просили, сказалъ, что пришлетъ его самъ.

SKETCH XIX.

Flofion

Въ ожиданіи и тоскѣ провела день и ночь балетная звѣздочка и наконецъ утромъ получила отвѣтъ:

Я признаю, что у меня, какъ и у другихъ людей, очень много недостатковъ и вполнѣ допускаю, что послѣдній вечеръ въ Вашемъ домѣ я велъ себя, какъ не слѣдовало. Очень сожалѣю объ этомъ. Въ свое оправданіе могу сказать, что я не придавалъ своимъ поступкамъ существеннаго значенія. Но пусть я дѣйствительно виноватъ. У Васъ, конечно, могутъ быть другіе взгляды на мои поступки. Не слѣдуетъ же изъ этого, что въ такомъ случаѣ Вы имѣете право идти на крайнія, ни въ коихъ условіяхъ недопустимыя, мѣры, какъ запирать меня на ключъ или доводить меня чуть не до драки?

Развѣ Вы правы, говоря, что я подливалъ только масла въ огонь?

Въ томъ то и дѣло, что я въ такихъ случаяхъ только принужденъ безпомощно смотрѣть, какъ Вы сами себя разжигаете! А потомъ, когда дѣло доходитъ до оскорбленій, я, теряя самообладаніе, либо стараюсь убѣжать, либо сижу и молчу.

Да, Вы двойникъ! Я люблю и всегда буду любить

мою ровную безконечно милую кошечку. Еще вчера я разыскалъ ее фотографію и долго ее разсматривалъ.

Но то, другое существо, которое вдругъ внезапно появляется вмѣсто ея, передъ нимъ я испытываю чувство какого то страха!

Но это еще половина горя. А вотъ, когда Вы какъ бы въ состояніи опьяненія проговариваетесь, это гораздо хуже.

Я слыхалъ отъ Васъ послѣдній разъ, что Вы меня не любите. Что Вы дорожите мною только потому, что думаете, я Васъ люблю. Что я даже безплатный любовникъ и т. п.

И это я уже не первый разъ слышу!

Вдумайтесь только какую тѣнь эти слова набрасываютъ на Васъ? Согласны ли Вы разъ навсегда отъ нихъ отказаться?

Что же мнѣ однако предпринять?

Вѣдь, если бы что произошло было бы съ глазу на глазъ, я могъ бы проглотить и попытаться исправить отношенія.

Ну скажите, ну какъ я могъ бы явиться теперь къ Вамъ и встрѣтиться съ Вашей милой прислугой?

Она будто бы видѣла какъ я, извѣстный инженеръ, построившій не одну дорогу въ Россіи, былъ выпивши и обнималъ дѣвицу, совсѣмъ какъ пьяный русскій солдатъ!

Прелестная картинка! И Вы ей вѣрите!

И наконецъ это знаменитое „вонъ“, сказанное при Вашихъ знакомыхъ!

Что дѣлать? я, положительно, не знаю. И всетаки,

если бы моя родная, любимая кошечка нашла пріемлимый выходъ, я былъ бы счастливъ!

Ну, а если такой кошечки не окажется, значитъ, ея и не было! Я ее создалъ только въ своемъ воображеніи. Тогда, пожалуй, повторяю Васъ, и жалѣть не о чемъ!

Прочитавъ это письмо, онъ спросилъ.

Что же Вы отвѣтили?

Я, сказала она, одѣла сейчасъ же пальто и поѣхала къ нему и мы помирились.

И стали они поживать и опять дѣлать, до поры до времени, свою нудную любовь.

SKETCH XX.

Con Amore

Сегодня Леша къ нему позвонила. Голосъ у нея былъ особенно тревожный. Онъ даже испугался, не случилось ли чего нибудь съ ея отцомъ. Онъ былъ болѣнъ все это время. Она просила непремѣнно повидаться завтра т. к. ей нужно ему что то передать.

Чудная странная дѣвушка, думалъ онъ, неужели она не видитъ, что онъ всегда ухватится за каждый малѣйшій предлогъ, чтобы встрѣтиться съ нею.

На слѣдующій день они встрѣтились и она передала ему письмо.

У нея было много, много дѣла, какъ она сказала. Сперва они отправились пѣшкомъ чуть не въ конецъ Васильевскаго т. к. тамъ въ одномъ кооперативѣ продается очень вкусное лакомство и дешевле, чѣмъ вездѣ. Она знаетъ это навѣрное!

Въ магазинѣ она уже раздумала, что то не понравилось. Пойдемте прочь, сказала она. Затѣмъ они были въ магазинѣ „Александръ“ и тамъ отдали въ починку сломанную трубку брата подруги.

Она была уже у Васъ въ починкѣ, но Вы плохо починили, сказала Леша.

Продавецъ „Александра“ спросилъ фамилію и сталъ искать, когда была отдана въ починку эта трубка. Задѣли честь ихъ магазина и онъ непремѣнно хотѣлъ отыскать. Онъ принялъ трубку, но всетаки искалъ по книгѣ и когда уже они уходили, онъ ихъ догналъ.

Сударыня, вѣдь это было ровно годъ тому назадъ, причемъ же мы то, сказалъ онъ.

Оттуда они пошли въ Казанскій Соборъ. Онъ былъ тамъ первый разъ. Какая красота, какая величавость!

Народу очень мало. И вотъ его милая Леша стоитъ на колѣнкахъ и усиленно молится, какъ будто она была какая то особая грѣшница. Онъ видалъ только въ монастырѣ монахинь, такъ молящихся. О чемъ она проситъ Бога? Какъ бы онъ хотѣлъ это знать!

Могутъ ли нехорошіе люди такъ молиться? думалъ онъ. И рѣшилъ, что нѣтъ, они не могутъ. Они не должны!

Теперь осталось самое серьезное т. к. всѣ магазины ей нужные, закрыты: эти дни идетъ подсчетъ товаровъ. Теперь осталось купить только шоколаду, а потомъ домой.

Дома онъ прочелъ ея письмо:

Милый другъ. Сейчасъ разсталась съ Вами (вѣрнѣе съ тобой) и мнѣ безконечно тяжело и грустно на душѣ. Мнѣ даже трудно писать. Меня страшно тревожитъ болѣзнь отца. А также моя будущая жизнь. Надъ ней мнѣ теперь придется призадуматься.

Кромѣ того и наши отношенія съ тобой меня не радуютъ. Всему, что я говорю, ты не вѣришь! Ну, что́жъ, не вѣрь! Вотъ и сейчасъ, чему я пишу, знаю, что ты опять не повѣришь! По твоему выходитъ, что я все

лгу. Если ты умышленно хочешь со мною разстаться, тогда просто уйди.

Мнѣ очень больно, я всегда говорю правду!

Теперь я жду, съ нетерпѣніемъ жду нашего отъѣзда, гдѣ я буду чувствовать, что ты со мной и принадлежишь только мнѣ. Я хочу тебя хоть на время, если не навсегда, оторвать отъ твоихъ, конечно, близкихъ тебѣ женщинъ.

Ты скажешь, я ревную? Возможно. Я тебя люблю, а до остального мнѣ нѣтъ дѣла! Думай, что хочешь! Вотъ я сказала все. А теперь ты рѣши самъ.

Крѣпко, крѣпко тебя цѣлую, твоя Леша.

P. S. Ты навѣрное спишь, а я еще не ложилась. Много, много думала. Я не могу безъ слезъ смотрѣть на отца. Онъ все молчитъ и очевидно тяжко страдаетъ, Я готова на все, чтобы его облегчить.

Скорѣй бы вечеръ, когда я буду говорить съ тобой. Мнѣ отъ этого лучше, даже если будетъ какой нибудь пустой разговоръ.

Прости, что я была такая холодная съ тобой вчера. Право на душѣ было скверно! Я не могла была отдаться своему чувству. Мысли были тамъ, у больного.

Твоя Леша.

Прочтя письмо онъ сейчасъ же написалъ ей отвѣтъ.

Милая и дорогая моя Леша!

Ты меня право такъ напугала своимъ письмомъ. Не знаю, какъ я бѣжалъ домой, чтобы его скорѣй прочесть.

Вѣрю, вѣрю тебѣ, милый Леша! Всему вѣрю, что мнѣ пишешь, что говоришь! Ну что мнѣ дѣлать, если у меня такая привычка надъ всѣмъ и всѣми смѣяться.

Обѣщаю по отношенію къ тебѣ этого не дѣлать.

Ну, а если когда прорвется, не сердись, милый, не разстраивайся! Вѣдь сама знаешь, какъ трудно отъ этого отвыкнуть. Ты спрашиваешь, есть ли у меня какое нибудь чувство къ тебѣ? не прихоть ли это?

Совершенно откровенно скажу, оно есть и оно не прихоть!

Разовьется ли оно во что нибудь яркое, сильное?

Это будетъ, дорогая, зависѣть отъ тебя. Исключительно отъ тебя!

Немного ласки. Затѣмъ дай заглянуть къ тебѣ въ душу поближе: А ты вѣдь меня ни тѣмъ, ни другимъ не балуешь. Ты говоришь, чтобы я подождалъ.

А почему? Развѣ я, заглянувъ, ужъ такъ испугаюсь? или тамъ кого нибудь увижу другого?

Вотъ мои вопросы.

Ахъ, какъ я хотѣлъ бы скорѣе съ тобой уѣхать! Уѣхать и вплотную быть къ тебѣ и душой, и тѣломъ. И забыть все и вся. И узнать мою милую, странную Лешу.

Agitato

Написавъ это письмо, онъ сѣлъ передъ каминомъ и думалъ:

Да, что же это, неужели я влюбленъ? Влюбленъ со всѣмъ юношескимъ пыломъ, влюбленъ такъ, что не могу ни заниматься, ни думать ни о чемъ другомъ? Всѣ мысли, о чемъ бы они не были, прерываются и переходятъ къ ней. Да что же это? Вѣдь я же всегда отрицалъ это! Я же говорилъ, что если любовь есть, то она не для меня!

Положимъ, я не радовался этому, я скорѣе былъ этимъ недоволенъ. Это мнѣ казалось какимъ то уродствомъ. Мнѣ всегда хотѣлось влюбиться, чтобы забыть все и думать только о ней, смотрѣть только на нее.

Но вѣдь она же не совершенство! Вѣдь я же вполнѣ сознаю это.

Мнѣ даже какъ то хочется иногда бороться съ этимъ чувствомъ.

А зачѣмъ? Не все ли равно, въ смыслѣ ощущеній кого или что любить?

Я хочу пережить извѣстное ощущеніе и кто мнѣ даетъ его дѣйствительно ли идеальный человѣкъ или воображаемый мною, это все равно. Можетъ быть въ воображеніи у меня онъ будетъ еще красивѣе. Еще совершеннѣе.

Важны тѣ впечатлѣнія, которыя я буду отъ этой любви переживать!

И такъ, не буду мудрствовать лукаво! Я же самъ всегда это другимъ совѣтую. Отдамся чувству! Пусть оно понесетъ меня, куда ему угодно. Я даже и править имъ не буду. Безъ руля и безъ вѣтрилъ!

SKETCH XXI.

Allegrezza

Ничего изъ Вашихъ отношеній съ Лешей не выйдетъ! говорила ему lady society. Я ее представляю себѣ такъ: человѣкъ симпатичный, очевидно недурненькая. Васъ она любитъ такой, знаете, небольшой любовью, ну какъ, напримѣръ, она любитъ и шоколадъ, и конфеты.

Любитъ Васъ, такъ сказать, для себя по стольку, по скольку Вы ей пріятны.

Въ ея возрастѣ не думаютъ, когда любятъ. Тамъ еще не умѣютъ любить. Еще не знаютъ, что въ любви есть всегда страданія, этотъ огонь очищающій.

О, то не въ возрастѣ около 30-ти. Тамъ, полюбя, понимаютъ, что надо мужчину захватить всего и на возможно долгое время.

Тамъ изучаютъ его привычки, вкусы, интересы. Наконецъ его занятія. И входятъ во все это.

Для серьезнаго дѣлового мужчины это же всегда большая половина жизни. Даже тогда, когда онъ любитъ. И если женщина въ нее не войдетъ, то для нея будетъ у него всегда какая то terra incognita и онъ иногда будетъ уходить туда. Кромѣ того эта terra incognita мо-

жетъ быть захвачена кѣмъ нибудь другимъ и тогда прощай и любовь, и отношенія.

Напримѣръ, скажите чистосердечно! Эти Ваши дѣла, эти денежные разсчеты съ людьми, я допускаю, они для молодого чувства какъ то не идутъ. Ну а Вы теперь горите любовью къ литературѣ. Вошла ли она въ эту часть Вашей жизни? Интересуется ли она Вашими интересами здѣсь? Вѣдь это же Ваша жизнь теперь, Ваши взгляды и отношеніе ко всему окружающему!

Онъ былъ немного смущенъ. У него какъ то неясно иногда появлялась такая же мысль и онъ ее отбрасывалъ.

Иногда онъ читалъ ей написанное. И ему хотѣлось говорить объ этомъ, но онъ молчалъ. Она сама никогда не спрашивала. Ему казалось, что она его будетъ слушать, непремѣнно будетъ и даже сможетъ механически повторить все, что онъ прочтетъ. Но все таки это его не дойдетъ до ея души! Ея это еще не интересуетъ.

Онъ чувствуетъ это.

И можетъ быть причиной этого молодость, а можетъ быть недостаточность духовныхъ интересовъ.

Нѣтъ, впрочемъ, вѣдь она же любитъ книгу. Вѣдь это такая же книга! Она должна быть еще болѣе интересна, потому что здѣсь пишутъ о знакомыхъ... и пишется знакомымъ, даже любимымъ ею, человѣкомъ!

Такъ почему же это?

Знаете что, сказалъ онъ, подумавъ, это еще не пришло!

Та, Ваша разсудочная любовь женщины около 30-ти, этотъ трафаретъ любви съ программой какъ и куда надо

войти къ мужчинѣ, это не есть трафаретъ любви, а программа захвата мужчины. Программа того, какъ сдѣлать, чтобы онъ принадлежалъ женщинѣ совсѣмъ и принадлежалъ возможно дольше!

Ну, а здѣсь молодое чувство безъ всякихъ программъ и трафаретовъ.

И пусть оно есть, какое есть! Пусть оно не поддѣлывается къ его интересамъ! Пусть оно входитъ въ то, что его интересуетъ, а что пока нѣтъ, то мимо него!

Оно и хорошо своей непосредственностью, своей натуральностью!

Пускай оно будетъ даже кратковременное, но оно свободно отъ всего. Отъ этого ума, постоянно проникающаго всюду за человѣкомъ, даже за его чувствами. А это становится скучно! Это мѣшаетъ чувствовать, мѣшаетъ переживать!

SKETCH XXII.

Giocaso

Только что онъ собирался лечъ спать, какъ вдругъ телефонъ отъ его знакомой балетной. Голосъ у нея былъ радостный. Вы знаете, говоритъ она, у меня новый поклонникъ появился! Держу пари, что не узнаете кто?

Мой поклонникъ собственный мужъ.

Сначала пріѣхалъ по дѣлу. Ну, а затѣмъ черезъ нѣсколько дней въ театрѣ были. Тамъ встрѣтила подругъ, даже какъ то неловко было. Со своимъ то мужемъ, съ которымъ уже не видѣлась около семи лѣтъ.

Послѣ театра ко мнѣ зашелъ пить чай. Затѣмъ уже нѣсколько разъ былъ. Все говоритъ, что какъ то странно, не можешь за своей женой ухаживать.

Одинъ разъ, съумашедшій, просилъ даже разрѣшенія ножки поцѣловать. Не давала, всетаки поцѣловалъ! Обѣ!

Ну что же, можетъ быть это къ лучшему, отвѣчалъ онъ. Можетъ быть опять сойдетесь?

Нѣтъ, не сойдемся! Во первыхъ его теперешняя любовь была раньше въ связи съ не совсѣмъ здоровымъ человѣкомъ, такъ что можетъ быть и мужъ болѣнъ!

Я и то послѣ каждаго его визита моюсь, моюсь!

А во вторыхъ, даже странно вѣдь, какъ я его раньше любила, а теперь онъ мнѣ совершенно безразличенъ! Къ простому хорошему знакомому больше чувствуешь влеченія, больше ему стараешься нравиться, чѣмъ мужу, съ которымъ столько лѣтъ прожила!

Мнѣ съ нимъ теперь только удобно. А за мужчину его не считаю.

На дняхъ засидѣлся и просилъ позволить ему ночевать.

Сначала хотѣла отказать, затѣмъ подумала: опасно теперь по ночамъ то ходить, а у меня въ спальнѣ задвижка крѣпкая, не захочетъ сдѣлать скандала. Ну и согласилась. Такъ и ночевали рядомъ въ комнатахъ.

Не знаю, что дальше будетъ!

Ну, а Вы какъ? Мы давно не видѣлись. Да, мнѣ говорила подруга, помните та замужняя Женя, съ ней рядомъ Вы еще сидѣли у меня за обѣдомъ, что Вы очень похудѣли!

Она Васъ встрѣтила въ очереди у Блигкенъ съ Лелей. Не за Лелей ли Вы теперь гоняете? Вы еще Женю не признали и все прятались за свою спутницу!

Ну это она говоритъ неправду, отвѣчалъ онъ. Я прятаться вообще не люблю, да и для меня за кого нибудь спрятаться даже трудно!

Ладно, ладно, перебили его, Женя еще говорила: вотъ единственный, кто мнѣ понравился у тебя въ тотъ вечеръ и онъ не узнаетъ!

Мнѣ это ужасно непріятно, что я Женю не узналъ, го-

воритъ онъ. Пожалуйста передайте ей, что я серьезно за ней сталъ бы ухаживать, но у нее есть громадный для меня, минусъ, который всему мѣшаетъ... Какой? спросили его. Это мужъ. За свою жизнь я никогда не могъ сблизиться съ женщиной, когда она кого нибудь, или жена, или другъ. И этотъ послѣдній знакомъ мнѣ. Органически не могъ. Не гожусь на роли друзей дома!

Ну вотъ что! слышитъ онъ въ телефонъ. Вы, все-таки, попробуйте! Она даже особенные глаза у Васъ нашла, почему то называетъ ихъ голубыми, когда по моему они просто зеленые. Какъ у кошки! Она будетъ у меня въ это воскресенье, съ мужемъ, и Вы приходите. Опять съ мужемъ? Зайду развѣ для того, чтобы извиниться въ своемъ невѣжествѣ.

Ну, а Вы, дорогая, уже спрашивалъ онъ, такъ у Васъ впереди романъ съ собственнымъ мужемъ? Крайне интересно.

Да нѣтъ же, перебили его, ужъ если на то пошло, у меня сильное влеченіе къ О., но онъ какъ то... тянетъ. То мы на выставкѣ, то мы въ театрѣ, а главнаго все и нѣтъ! Вы видѣли его на томъ же вечерѣ. И онъ будетъ въ воскресенье.

Ну вотъ что, милые наивные глазки, предлагаетъ онъ, я съ нимъ поговорю, что это онъ затягиваетъ? Время проходитъ зря! Надо спѣшить! Жизнь коротка.

Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, Вы молчите! Я люблю это дѣлать сама.

И телефонъ прерывается.

SKETCH XXIII.

Epicedion

Ему сказали, что вечеромъ будетъ ихъ свадьба. Этого мальчика студента съ мягкимъ характеромъ и женщины старше его.

А дней десять тому назадъ у нихъ родилась дочь.

Женихъ и невѣста познакомились въ вагонѣ. Онъ ѣхалъ прапорщикомъ съ невеселыми мыслями, куда его посылали, а она уѣзжала отъ мужа къ роднымъ. Мужъ увлекся другой.

Въ вагонѣ и сблизились.

И когда ему разрѣшили отпускъ, онъ пріѣхалъ уже съ ней въ Петроградъ. По телефону спросилъ отца съ вокзала, не имѣетъ ли онъ что нибудь противъ его пріѣзда не одного, иначе онъ къ нему не поѣдетъ. Отецъ не хотѣлъ ссориться съ сыномъ и согласился.

Теперь она получила разводъ и рѣшила попробовать счастья съ другимъ. Можетъ быть здѣсь что нибудь выйдетъ!

Бѣдный мальчикъ! Она совсѣмъ тебя обезличитъ.

Такъ думалъ онъ.

Затѣмъ мысли его перешли, какъ онъ вчера въ первый разъ былъ у Леши на квартирѣ.

И онъ, и она чувствовали что то особенное. Ему давно хотѣлось быть у нея; Леша почему то была противъ. Она говорила: принимать Васъ и быть съ Вами, какъ чужая, мнѣ будетъ очень тяжело, а показать сейчасъ наши отношенія роднымъ, я не могу.

Когда мать вышла изъ столовой, ихъ ничего ужъ не стѣсняло. Они сидѣли рядомъ, близко, близко. Головы ихъ касались.

Только больной отецъ въ сосѣдней комнатѣ кашлемъ иногда напоминалъ о себѣ. Но они сейчасъ же объ этомъ забывали. Они были счастливы, значитъ эгоисты.

Такъ вспоминалъ онъ свое вчера.

Вдругъ телефонный звонокъ. Говоритъ мать Леши.

Мужъ уже полчаса, какъ скончался. Съ Лешей обморокъ. Проситъ его сейчасъ пріѣхать. Помочь.

Онъ обѣщаетъ.

И вотъ онъ второй разъ у нихъ. У умершаго. Раньше онъ имѣлъ всегда какой то инстинктивный страхъ къ смерти, но вотъ пришлось сравнительно за короткое время видѣть ее вблизи три раза, это четвертый, и къ ней онъ какъ-то привыкъ. Она его уже почти не пугаетъ. Онъ стоитъ рядомъ съ трупомъ, говоритъ по телефону и въ мысляхъ нѣтъ страха. Онъ теперь даже научился разгонять эти непріятныя мысли, если они у него всетаки начинаютъ появляться. Нашелъ дѣтскую философію успокоенія. Убѣждать себя всегда тѣмъ, что вспоминать свои бывшія отношенія съ умершимъ.

Вѣдь онъ же былъ ихъ другъ! говоритъ онъ себѣ. И послѣ смерти онъ хочетъ чѣмъ нибудь помочь близ-

кимъ или роднымъ покойнаго! Такъ зачѣмъ же усопшій будетъ дѣлать ему непріятное, появляться что ли?

И онъ отъ этого успокаивался.

Женщины, конечно, въ горѣ. Даже неизвѣстно, что имъ было больнѣе, смерть ли близкаго или то, что они теперь остаются одни? этотъ страхъ одиночества? Пожалуй даже это послѣднее тяжелѣе. Вѣдь то ихъ прошлое, а это настоящее и будущее.

Отъ смерти онъ поѣхалъ на свадьбу студента. На похороны молодости.

Въ маленькой красивой домашней церкви вѣяло какимъ то успокоеніемъ. Немного отдохнулъ душой.

А вечеромъ опять къ смерти.

SKETCH XXIV.

Doglio samento

Сегодня были похороны отца Леши. Она была очень убита. Внѣшне это выражалось мало, только временами. Постоянно было дрожаніе рукъ. Слезы рѣдко. Только при этихъ ужасныхъ мотивахъ.

Иногда совсѣмъ неожиданно, и не кстати, случался у нея легкій безпричинный смѣхъ. Остановить его можно было только нашатыремъ.

Были родственники. Они считали своимъ долгомъ выражать соболѣзнованіе и давать совѣты. Много совѣтовъ. Приходили даже такіе, которыхъ не видали уже давно. Какъ-же! Произошло что то интересное. Надо посмотрѣть ихъ, этихъ родныхъ имъ женщинъ, въ несчастіи!

И оказалось даже интереснѣе, чѣмъ они ожидали! На похоронахъ они увидали совсѣмъ для нихъ незнакомаго, а между тѣмъ онъ какъ будто былъ для нихъ и близкій. Леша все къ нему подходила.

Одна изъ родныхъ даже увидѣла, какъ онъ утѣшалъ Лещу.

И главное они, этотъ незнакомый и Леша, совсѣмъ не стѣснялись! Вели себя какъ будто такъ и должно!

Пришли старшіе классы одной женской гимназіи, гдѣ преподавалъ покойный. И откуда онъ приносилъ, по разсказамъ, разныя записочки, которыя находилъ у себя въ карманѣ. И это, когда онъ былъ почти что старый. Хотя онъ всегда былъ здоровъ, веселъ и жизнерадостенъ. Теперь была его первая болѣзнь. Въ двѣ недѣли его взяла смерть.

А имъ, этимъ дѣвочкамъ, такъ хотѣлось любить кого-нибудь. За гробомъ всѣ вышли. И только отойдя съ полъ версты вспомнили, что въ квартирѣ никого не осталось и даже дверь не закрыли. Съ большимъ трудомъ убѣдили одну старушку вернуться. Ей этого такъ не хотѣлось. Для нея это былъ быть можетъ послѣдній спектакль.

Кладбище было далеко. Лешу подъ руки велъ онъ и ея подруга. Всю дорогу она молчала. Нѣсколько разъ ей было дурно или она опять начинала вдругъ тихо и безпричинно смѣяться. Пришли на кладбище. Внесли гробъ въ церковь. Стали молиться.

Вдова все бѣгала то въ контору, то на могилу. Все хлопотала! И наконецъ встала сзади.

Бѣдная женщина. Прожила она съ мужемъ 24 года и сейчасъ, казалось, она еще не вполнѣ сознавала, что она въ немъ потеряла. Если она не молилась, все хлопотала, что это было или по привычкѣ или она хотѣла этимъ немного отвлечься. Теперь она стояла сзади Леши, которая молилась. Или думала, вспоминала. Но главное молчала. Молчаніе было ей необходимо.

Было слышно только похоронное пѣніе.

Гимназистки, какъ дѣти, они были жестоки. Они отвернулись отъ Бога и все смотрѣли на ея, Леши, страданія. Смотрѣли чуть ли не съ открытыми, отъ любопытства, ртами.

Вдругъ вдова вспомнила, что сейчасъ понихида и необходимы свѣчи. И она ихъ купила, но гдѣ они, она не знаетъ! Ей даже казалось, что она ихъ въ гробъ, положила. Надо открыть гробъ! Сейчасъ же открыть! Вдова забыла даже о своемъ несчастіи, забыла о томъ, что она въ церкви. И стала громко причитать и плакаться о свѣчахъ.

Леша обернулась и посмотрѣла строго на мать, но та не поняла и продолжала плакаться!

И тогда Леша опять повернулась и сказала ей громко. Да Вы перестаньте! Слышите Вы, перестаньте!

Гимназистки еще болѣе рты открыли.

Здѣсь же стоялъ, кто похоронами распоряжался. Къ нему стали подходить эти люди, которые внесли гробъ въ церковь и не стѣсняясь стали требовать на чай. Пришелъ еще кто то и требовалъ опившимся голосомъ тутъ же въ церкви деньги за то, что онъ крестъ снесъ на могилу. Напоминалъ, чтобъ его не забыли.

И настроеніе ушло.

И опять вернулось, когда открыли крышку гроба, чтобы прощаться.

Тутъ пришлось оторвать Лешу силой и увести изъ церкви. Ее посадили на кладбищѣ, на скамейку, чтобы она пришла въ себя.

Но вотъ опять это ужасное пѣніе. Опять оно вмѣ-

стѣ съ гробомъ, который несутъ къ могилѣ. Они встали и идутъ вслѣдъ за гробомъ. Гробъ опустили, Леша бросаетъ землю въ могилу. И опять ей плохо.

А эти безжалостные люди разглядываютъ ея страданія. Имъ интересно. Онъ сейчасъ же ее уводитъ, чтобы не давать имъ этого представленія.

Мы пріѣдемъ потомъ, шепчетъ онъ. Мы пріѣдемъ одни! Зачѣмъ выставлять на показъ свое горе! Обнажать его передъ этими людьми!

И они уѣзжаютъ.

А дома всетаки она не избѣжала отъ родныхъ упрековъ: зачѣмъ уѣхала, когда не зарыли еще могилу?

И лишила этихъ родныхъ представленія.

SKETCH XXV.

All' antĭca

Вчера онъ былъ на свадьбѣ. Невѣста и женихъ были молодые и красивые. Они видно такъ любили другъ друга! Были не современные. Такіе милые, милые!

Съ вѣрой смотрѣли въ будущее.

А имъ вѣдь такъ трудно придется первое время жизни. Ей ничего почти не пришлось купить приданаго. Эти большевики разорили ея родныхъ. Но и онъ, и она, были всѣмъ довольны. Съ ними была ихъ любовь! Для нихъ теперь это самое главное. А съ любовью была и вѣра, и надежда.

Домовая перковь была подъ сводами. Своды были какіе то острые къ концу. Такая же была форма образовъ на стѣнахъ. Такой же былъ и иконостасъ. Врата въ немъ малые и большіе, были низенкіе и узкіе. Все было выкрашено въ темный мраморный тонъ. Дышало стариной. Напоминало Грознаго. Его молельню. Священникъ былъ сѣденькій съ большой бородой и говорилъ тихимъ яснымъ голосомъ. И все было тихо. Такъ тихо въ церкви. Такъ пѣли и пѣвчіе.

И пѣли какіе то другіе, новые, красивые напѣвы.

Только дьячокъ громко прокричалъ свое: „И прилѣпится къ женѣ своей“ и нарушилъ общее настроеніе.

Гости, по старинному, дѣлились строго на двѣ половины. Родные и знакомые невѣсты на лѣво, жениха на право. Среди родныхъ жениха были больше военные, и все по старому, въ погонахъ.

Начальникъ корпуса, гдѣ была церковь, даже испугался, когда увидѣлъ такихъ, съ погонами, военныхъ. Говорилъ: Вы должно быть хотите, чтобы меня завтра разстрѣляли?

Но отъ чего совсѣмъ отказался, разрѣшить поздравить виномъ молодыхъ.

И гости стали сходить печальные съ лѣстницы.

Но вотъ молодые сами пошли къ начальнику еще разъ попытать счастья. Не устоялъ начальникъ, разрѣшилъ. Не могъ отказать молодому красивому счастью!

Но только въ лазаретѣ, добавилъ онъ.

Гости долго ждали, пока наладилось дѣло. Можетъ быть имъ хотѣлось поздравить. А можетъ быть и выпить вина, столь рѣдкаго теперь. А тутъ еще и конфеты. Ихъ за послѣднее время совсѣмъ не видно. А такъ хочется сладкаго. И малымъ, и старымъ.

Изъ церкви поѣхали къ роднымъ жениха. И оттуда на вокзалъ въ купэ сибирскаго экспресса.

И такъ отъ всего этого, и отъ счастья, и отъ церкви, и отъ этой поѣздки, пахнуло хорошимъ, прежнимъ, что уже давно, давно позабыли!

Но и это счастье отъ нихъ, оставшихся, ушло!

Улетѣло!

SKETCH XXVI.

Impreviso

Звонокъ по телефону, онъ подходитъ и слышитъ совсѣмъ незнакомый женскій голосъ.

Вы меня не знаете, говорятъ ему. Я подруга Нины, вашей хорошей знакомой. Вы ее, надѣюсь, помните? Еще вмѣстѣ въ Крыму были.

Да, конечно, помню, отвѣчаетъ онъ, но что же Вамъ угодно?

Видите ли, Нина, я знаю, страшно хочетъ Васъ видѣть. Ей неизвѣстно, что я съ Вами говорю. Я часто замѣчала, какъ она страдаетъ и раскаивается, что съ Вами разсталась и рѣшила Вамъ позвонить. Она встрѣтила Васъ недавно. Встрѣтила не одного. И теперь бредитъ Вами.

Мнѣ кажется, что свиданіе наше будетъ безцѣльно, отвѣчаетъ онъ. Если она видѣла меня не одного, она очевидно поняла, что я увлеченъ другой. Видѣться, чтобы только поговорить! Стоитъ ли? А другого сейчасъ ничего не выйдетъ!

Не скрою, я былъ также увлеченъ сильно Вашей подругой. Теперь прошло. И прошлое врядъ ли вернется, по крайней мѣрѣ не сейчасъ. Знаете, склеить разбитую

вазу, она будетъ всетаки разбитая. А Нину это свиданіе, если Ваши наблюденія вѣрны, будетъ волновать. Она меня послѣдній разъ такъ обидѣла, когда прислала за своими карточками. И способъ былъ такой грубый. Бо̀льный.

Опять заговорилъ женскій голосъ.

Да, пожалуй, Вы правы. Ей лучше не видаться. Спасибо за откровенность.

И разговоръ прекратился.

Отойдя отъ телефона онъ испыталъ какое то странное чувство. Пріятное. А почему? Онъ не понималъ. Вѣдь онъ же сейчасъ любитъ. Насколько можетъ любить. И его любятъ. Онъ это знаетъ. А къ этой Нинѣ у него ничего нѣтъ. Онъ знаетъ даже, что она хуже той, кого онъ любитъ. И любовь ея меньше т. е. вѣрнѣе она совсѣмъ его не любитъ. Я если любила его раньше, то очень небольшой любовью. Призракъ замужества съ другимъ предпочла ему. Оттого онъ и ушелъ отъ нея.

А теперь этотъ призракъ исчезъ, она опять къ нему тянется. Расчетливая сладострастная нѣмка!

Онъ такъ иногда ее въ шутку называлъ. Но всетаки она его еще интересуетъ. Интересуетъ, потому что онъ не исчерпалъ ее до дна. Больше причинъ нѣтъ.

А взять ее до дна, это мѣсяцъ жизни вдвоемъ. Если ничего кромѣ физическаго влеченія нѣтъ.

А потомъ, скука!

Ему уже все чаще и чаще приходятъ мысли, какъ женщины однообразны! Да и нѣкоторые изъ нихъ, болѣе умныя, сами ему это говорили.

Чего Вы ищете? Мы всѣ одинаковы. Есть только внѣшнее различіе. И очень мало духовнаго. Когда мы любимъ, мы всегда тѣ, кого любитъ въ насъ любовникъ!

Да, онъ это знаетъ и всетаки тянется къ этому миражу-женщинѣ.

Черезъ нѣсколько дней опять телефонъ. И голосъ уже хорошо знакомый, но сейчасъ почти забытый. Это она, сама Нина. Проситъ увидѣться.

На слѣдующій день встрѣтились. Первыя ея слова были: Я такъ рада, такъ рада, что увидала Васъ. Мнѣ такъ этого хотѣлось!

Сначала фразы были какія-то неловкія, надо было объясняться о прошломъ. А этого не хотѣлось, непріятно было трогать старое! Говорила больше она, говорила о всемъ, но не объ этомъ. Онъ отвѣчалъ ей однимъ или двумя словами.

Но потомъ и на него нахлынулъ этотъ потокъ воспоминаній. И онъ сталъ говорить! Они уже начали слегка касаться и больныхъ мѣстъ.

Гуляя, они устали и случайно сѣли на обрубокъ дерева, гдѣ годъ назадъ они уже сидѣли. Но сидѣли съ другими чувствами, съ другими мыслями. Близкіе другъ другу. Теперь же, когда они касались другъ друга, оба извинялись.

Она разсказала, какъ разстрѣляли ея жениха офицера на ея глазахъ. Теперь, говорила она, я уже рѣшила замужъ не выходить. Онъ ей прочелъ, какъ онъ описалъ поѣздку съ нею изъ Ялты въ Никитскій садъ. Она по дѣтски радовалась, что онъ началъ писать.

Когда они возвращались домой, она призналась, что она уже не дѣвушка, что она отдалась своему жениху наканунѣ его разстрѣла.

Они подходили къ ея дому. Онъ ожидалъ, что она подниметь вопросъ о вторичномъ свиданіи. И чувствовалъ, что въ немъ есть еще какое-то желаніе ея. И что онъ не знаетъ, что ей отвѣтитъ. Она дѣйствительно спросила, когда мы увидимся опять?

И онъ назначилъ. Назначилъ, а когда время пришло, не пошелъ.

SKETCH XXVII.

Apolalerion

Онъ все уклонялся быть у lady society. Она неоднократно звонила, но онъ чувствовалъ, что пора кончать.

Зачѣмъ Вамъ теперь они? говорила Леша.

И онъ понималъ, что она говорила вѣрно. Lady society даже какъ то перестала ему нравиться за послѣднее время. И сейчасъ же появились на сцену эти помощники, небольшіе недостатки, которые, если женщина нравится, совершенно не замѣчаются. А иногда даже приходятся по душѣ.

Ужасно она расчетлива, думалъ онъ. Расчетливость дѣло мужчины. Женщина пусть лучше дѣлаетъ глупости и въ этомъ. Къ ней какъ то это идетъ! Это женственно!

Затѣмъ у нее некрасивые зубы, въ особенности очевидно верхніе, потому-что она ихъ все прячетъ. А губы какія то очень мягкія. Когда ихъ цѣлуешь, они расплываются. Точно устали отъ поцѣлуевъ! Нѣтъ упругости.

И все это отталкивало отъ нее.

И отдаляясь отъ lady society и отъ сестры, онъ все сближался съ Лешей. А сближаясь съ ней, остальныхъ еще болѣе забывалъ.

Съ сестрой его еще связывали дѣла, но съ lady у него никакихъ дѣлъ не было. И онъ рѣшилъ поставить и здѣсь точку. Она умная женщина. Она пойметъ или сдѣлаетъ видъ, что поняла. А для него это все равно. Когда нибудь можетъ быть они встрѣтятся и побесѣдуютъ. И будутъ друзьями. Съ ней это много лучше. Не переходить этой грани любви. Онъ чувствуетъ, что долго ее любить онъ не могъ бы все равно, а она должно быть цѣпкая!

Съ ней трудно будетъ разстаться.

SKETCH XXVIII.

Adue

Наконецъ то имъ удалось уѣхать въ такъ долго желанную Москву. Случилось это неожиданно. Собрались въ одинъ день.

И было въ поѣздкѣ и много тяжелаго, и веселаго. Тяжелое они перенесли, совершенно не замѣчая. Иногда, но очень рѣдко, Леша не выдерживала и жаловалась ему.

Но когда онъ ее спрашивалъ, не раскаивается ли она? Она всегда твердо говорила, что нѣтъ. Я довольна! Я счастлива!

Начались непріятности съ полученіемъ билетовъ. У него имѣлась бумажка отъ большевиковъ, которая, какъ волшебная палочка, давала и право прохода мимо солдатъ и красно-армейцевъ, и право проѣзда по желѣзной дорогѣ, а у нее только разрѣшеніе на выѣздъ и обратный въѣздъ въ Петроградъ отъ ея начальства.

Съ большимъ трудомъ удалось уломать товарища, который выдавалъ билеты, дать два, а не одинъ.

Здѣсь, впервые, Леша не выдержала и начала, выслушавъ его первоначальный отказъ, говорить повышеннымъ голосомъ съ товарищемъ начальствомъ.

Много было трудовъ, чтобы успокоить самодержца и наладить дѣло!

Затѣмъ вечеромъ, когда они пришли на платформу, дикія толпы солдатъ и матросовъ чуть не сбили ихъ съ ногъ. Даже мечтать о мѣстѣ въ поѣздѣ было нечего! Все было моментально забито! Всѣ проходы, площадки! Надо было ждать слѣдующаго.

Онъ пошелъ справляться въ контору, когда пойдетъ еще поѣздъ. Возвращаясь увидѣлъ двухъ солдатъ, которые уговаривали Лешу пойти съ ними впередъ на встрѣчу поѣзду. Мы посадимъ, они говорили! И при этомъ посматривали на нее и на чемоданы.

Съ его приходомъ они отошли. На другой поѣздъ удалось примоститься на площадкѣ вагона. И такъ нужно было стоять всю ночь. Для Леши нашелся какой то узелъ. Перейти въ вагонъ удалось только на слѣдующій день. И то не сидѣть, а стоять въ проходѣ. Тамъ было хоть теплѣе!

Въ Москву пріѣхали слѣдующей ночью и тамъ началось исканіе гостинницы. Всѣ хорошія были реквизированы подъ большевиковъ. Наконецъ нашли мало-мальски сносный номеръ, гдѣ можно было хоть кое какъ провести ночь. И вотъ они, измученные до нельзя, остались вдвоемъ. Совсѣмъ одни.

Эта была ихъ первая ночь любви!

Было очень некрасиво, даже грязно все окружающее. За позднимъ временемъ имъ даже отказали дать постельное бѣлье. Пришлось спать не раздѣваясь на одномъ пальто, прикрываясь другимъ. Но они были и веселы,

и радостны! Они любили. И все нехорошее, непріятное, ими не замѣчалось. Все они украшали сами своею любовью, своими поцѣлуями. И всѣ люди, съ которыми они сталкивались, относились къ нимъ хорошо, сердечно они заражались ихъ настроеніемъ.

Только при встрѣчахъ съ этими „товарищами", на нихъ, этихъ больныхъ людей, ихъ настроеніе не дѣйствовало. Въ нихъ любовь ничего не зажигала. Можетъ быть только зависть и злость.

Днемъ онъ дѣлалъ свои дѣла. Она ему въ нихъ помогала. Вечеромъ бывали въ театрахъ. И всегда любили.

Какъ то разъ она ему сказала: хотя я не была невинна, когда ты меня взялъ, но всетаки женщиной сдѣлалъ меня только ты. И послѣ того, она уже хотѣла его всегда, такъ же какъ и онъ ее!

Черезъ нѣсколько дней опять непріятности. И сюда, въ ихъ грязную гостиницу, пришли эти товарищи. И здѣсь реквизировали половину нумеровъ.

Ихъ переселили куда-то во дворъ, въ номеръ еще болѣе худшій. Они перешли и остались всетаки веселы.

Леша перенесла цвѣты и ими украсила комнату. Тамъ, гдѣ было грязно, и у кровати, затянули обои бумагой. И имъ она казалась лучше персидскихъ ковровъ. И опять замѣчали только другъ друга.

При возвращеніи домой коммисаръ и совѣтъ рабочихъ отказали Лешѣ въ выдачѣ немедленнаго билета. Ему выдали на просимый день, а ей предложили на слѣдующій. И вотъ тутъ только она опечалилась!

Она должна была или задержать его, или остаться одна, съ нимъ разстаться!

Помогъ носильщикъ. Онъ указалъ способъ ѣхать безъ разрѣшенія, пройти съ перроннымъ билетомъ на платформу, какъ бы провожая, затѣмъ сказать кондуктору, что билетъ потеряли. Самое большое, это двойная плата.

Такъ и сдѣлали. И вернулись домой. И разставаясь, она говорила: Я не знаю, какъ это будетъ безъ тебя. Я не могу! Я уже привыкла, что мы вмѣстѣ! А теперь придется ждать, когда ты пріѣдешь ко мнѣ!

Онъ самъ не зналъ, какъ это будетъ. Съ трудомъ оторвался и уѣхалъ!

ОДНА ИЗЪ МНОГИХЪ.

Agitato

Чего хочу, любви или покоя? Не знаю.
Иногда я готова жизнь отдать за него, а иногда? Ненавижу, какъ заклятаго врага.

Что такое любовь? Онъ говоритъ „тянетъ“. Вотъ и все!

Ахъ, какъ я устала! Какъ устала! Хочу покоя, только покоя.

Жизнь-это длинная, пестрая лента. Иногда она тянется ровно, а иногда появляются узлы, комки. Это встрѣчи, увлеченія, такъ называемая любовь.

Готова отдать жизнь!

Потому, что она не дорога! Не жалко! Что меня ждетъ? Боже мой! И чего я боюсь?

Развѣ можетъ быть хуже того, что уже было?

Я хочу его. Безумно хочу. Но... Не жду. Тоска.

Развѣ о немъ? Нѣтъ. О покоѣ.

Любить, это понимать, жалѣть человѣка.

Знать его душу и ни на что не накладывать своего „veto“.

Adiratamente

Какъ больно! Это пощечина! Какъ отъ грязи, какъ отъ своего позора, онъ отвернулся! Прошелъ мимо! Онъ объясняетъ, что передъ ребенкомъ ему было стыдно. А передо мной?

Завтра Пасха. И ко всѣмъ, кто близокъ, ему нужно пойти. Только для меня не останется времени! Вторая пощечина!

Angosciosamento

Вчера онъ былъ у меня. Мнѣ хотѣлось разсказать о себѣ. Каждый шагъ. Каждую мысль. Я бы не стѣснялась ничего. Но я боюсь. Боюсь, что онъ не проймётъ и отвернется отъ меня. Вѣдь какъ то разъ онъ сказалъ, онъ не воспитатель.

Не воспитатель, но другъ!

И какъ другъ онъ могъ бы помочь мнѣ разобраться.

Giocoso

Сегодня мы будетъ съ нимъ въ оперѣ, у него абонементъ. Его домашніе не захотѣли и благодаря этому попадаю я. А вечеромъ ко мнѣ! Вотъ коту масленица!

Addolorato

Бываютъ дни, когда все кажется такимъ маленькимъ, ничтожнымъ. Тогда ничего не нужно. Все повтореніе пройденаго.

И кажется мнѣ тогда, что любить можно только одинъ разъ!

О, какъ я хочу знать, счастливъ ли онъ? Думаетъ ли когда обо мнѣ? Неужели какъ личность, я для него не существую?

Я удобна для него. Нравлюсь, какъ женщина! Вотъ и все! И такъ всегда. И у всѣхъ.

А мнѣ хочется такого сильнаго, безграничнаго чувства.

Epinicio

Конецъ цифрамъ! Кончены экзамены! Я выдержала ихъ и, главное, сдержала слово. Довела дѣло до конца! Но вотъ здѣсь я клянусь, что служить буду только въ крайней необходимости. Не люблю этого дѣла.

Portato

Пріѣхалъ онъ. Пять дней его не было въ городѣ. Какая безумная была тоска! Ждала встрѣчи съ нимъ, какъ манны небесной. Сегодня провожала его. А вечеромъ онъ будетъ у меня.

Но почему мнѣ сейчасъ это все кажется физически противнымъ?

У него нѣтъ такта! Откровенность иногда хуже лжи. Мнѣ стыдно и гадко.

Но развѣ я смѣю что нибудь сказать? Кто я въ сущности? Его любовница. Одна изъ многихъ. Грязное подлое слово. Даже скорѣй не любовница, а вещь его.

Aequoanimo

Я учусь англійскому языку. Что то будетъ, какъ то онъ пойдетъ у меня?

Лучше не думать. Не задумываться надъ жизнью. Плыть по теченію.

Можетъ быть и доплывешь до конца безъ крушенія. А можетъ быть, по пути, прибьетъ къ берегу. Это дастъ покой.

А если попадешь въ водоворотъ будетъ тебя тамъ крутить. Такъ крутить! Это интересно! Такъ и проживешь незамѣтно.

А нѣкоторые говорятъ надо учиться, въ этомъ смыслъ жизни. Надо жить больше разсудкомъ, чѣмъ чувствомъ.

Брр... Это холодно! Холодно такъ...

All' improviso

Я въ деревнѣ.

Уѣхала подкормиться и отдохнуть отъ города. Сама чувствовала, что устала. И онъ уговорилъ тоже.

И вдругъ такое письмо отъ него.

Милая и дорогая Вѣра. Прости, если можешь, мое письмо. Но мнѣ хотѣлось, чтобы въ нашихъ отношеніяхъ была бы только правда. Помнится, это и ты тоже всегда говорила.

Дѣло въ томъ, что у меня, какъ сказать... все вышло. У тебя, я вижу, осталось чувство, ты еще горишь. Но я? Я не могу отвѣчать на него, чѣмъ бы слѣдовало. У меня къ тебѣ дружескія, хорошія отношенія. Иногда измѣняющіяся въ половое чувство.

Я помню, мы были въ Буффѣ. Мнѣ ужасно стало тоскливо. Идемъ и молчимъ. Я испугался! Неужели „то" ушло? Ушло совсѣмъ?

Точно женатые, надоѣвшіе другъ другу, люди. Которые сказали все, что знали. И говорить которымъ больше не о чемъ.

И вотъ я сталъ думать и рѣшилъ, что лучше, честнѣе это высказать. Ты когда то это даже прямо просила.

У меня никого нѣтъ. Ты не думай. Просто чѣмъ то безсмысленнымъ, нехорошимъ кажутся мнѣ наши отношенія безъ любви.

Пройдетъ нѣкоторое время и, если позволишь, я съ удовольствіемъ повидаюсь съ тобой, такъ какъ искренно говорю тебѣ, я сохранилъ къ тебѣ очень теплое дружеское чувство. Не говоря уже о воспоминаніяхъ.

Зная, какъ тебѣ трудно живется, позволь предложить на первое время тебѣ помочь. Пока ты сама не устроишься. Одновременно съ письмомъ я тебѣ перевожу сумму, которой сейчасъ располагаю.

Думаю, что, во имя нашихъ прежнихъ отношеній, ты не откажешься ее принять. Ну, а затѣмъ, до свиданія!

Не поминай лихомъ искренно и дружески къ тебѣ расположеннаго, считающаго тебя всегда за хорошаго честнаго и милаго человѣка. Алексъ.

Accrescendo

Вотъ и свершилось, чего я всегда боялась и ждала. 14 мѣсяцевъ прожили! Была счастлива и искренно любила! А сошлась изъ легкомыслія и по расчету. Знала, что состоятельный человѣкъ. И кромѣ того свободный. Вотъ что понравилось? Чѣмъ очаровалъ! А сначала казался грубымъ, мало интеллигентнымъ. Разбогатѣвшимъ

кулакомъ. Многое это и сейчасъ чувствую въ немъ. Но вотъ привязалась. Полюбила.

Лелеяла глупую мечту, что стану ему необходимой! Привяжется. Теперь все кончено. Сбросилъ, какъ старый сапогъ. За что? Почему? Можетъ быть я подурнѣла? Постарѣла? Или это жадность, лишняя обуза? Вѣдь онъ теперь уѣхалъ не въ глушь, гдѣ я ему нужна. Нужны мое тѣло и заботы. Тамъ онъ найдетъ многихъ интереснѣе!

Кричать, выть, какъ звѣрю отъ мучительной боли, хочется! Биться головой о стѣну!

Милый, за что эта мука? Что я тебѣ сдѣлала? Вѣдь только любила тебя! А вернется, придетъ опять ко мнѣ!

Знаетъ, что я его люблю и приму. Къ чему тратиться, возить по курортамъ, одѣвать красиво? Сиди тутъ и жди. Онъ вернется! Знаю! Чувствую!

Говоритъ „все вышло“. Какъ грубо. Да и что было то? Дружеское расположеніе и чувственность. Такъ это было и до послѣдней минуты!

Bacchanale

„Я хочу безумно пьянаго разгула,
Чтобъ меня ласкала дерзкая рука!
Чтобы въ морѣ оргій камнемъ потонула
И моя тревога и моя тоска.
Я хочу глумиться дерзко, безъ пощады,
Надъ чужой любовью, надъ чужой тоской,
Оттого что въ сердцѣ полномъ слезъ и яда,
Все разбито въ жизни грубою рукой.“

Вечеръ. Большая комната. Всѣ пьяны. И я пьяна. Готова повѣситься каждому на шею и... всѣхъ ненавижу.

Аля! Родной! Спаси меня! Гдѣ ты? Нѣтъ силъ. Пьяна, а забыть тебя не могу. Хочется плакать, кричать отъ боли! И знаю, что это смѣшно! Яшка, Евгеній Ивановичъ объясняются въ любви. Цѣлуютъ. Еврей говоритъ пошлости. Ударила его! Предлагаю себя въ содержанки. Назначаю цѣну! Кто больше?

Боже мой, что же это?

Аля, спаси меня!

Катались на островахъ. Много, очень много цвѣтовъ! Розъ! Хочется плакать! Аля, дорогой мой. Завтра я продамъ себя!

Fiero

Сегодня я ему написала это письмо:

Дорогой мой, я отказалась отъ твоей помощи и вернула, что ты прислалъ мнѣ, думая какъ нибудь сразу устроиться. Но это не удалось. Кромѣ того еще заболѣла.

Мнѣ не хотѣлось писать тебѣ. Казалось униженіемъ принять помощь отъ человѣка, который пересталъ меня любить. Мнѣ казалось, что ты не правъ передо мной. Теперь я много, много думала. И знаю, что не права я сама.

Ты не хорошо сдѣлалъ, что скрывалъ свои намѣренія до послѣдней минуты и что первое время горя заставилъ пережить въ деревнѣ, при другихъ людяхъ.

Впрочемъ я все это говорю не то, что хотѣла сказать.

Я не хочу жаловаться, упрекать. Я хочу только спрятать свое горе отъ всѣхъ. Потомъ, зачѣмъ подчеркивать также мнѣ свое уваженіе?

Зачѣмъ выставлять меня въ смѣшной жалкой роли? Я ни у кого участія не искала и не ищу. О тебѣ же я знала безъ всякихъ подтвержденій, что ты человѣкъ минуты. Знала, что нравлюсь тебѣ только, какъ женщина! Прощай.

Вѣра.

Cacofonia

Марія говоритъ, если бы я была на твоемъ мѣстѣ, я бы такъ закрутилась, что забыла о его существованіи!

И я закрутилась. Ф. смѣняетъ Г. К.; его смѣняетъ Г., дальше Е. Ж. и т. д. Ихъ много! Всѣ они не прочь ухаживать, флиртовать со мною! Нѣкоторые способны на серьезное чувство. Многіе замѣнятъ во всѣхъ случаяхъ А. Чего же мнѣ надо? Что во мнѣ говоритъ? Обида? Тоска или любовь? Знаю, что я дорого бы дала, чтобы онъ вернулся ко мнѣ!

Знаю, если замѣтила бы хоть каплю раскаянія или сожалѣнія о разрывѣ, я его бы вычеркнула изъ памяти. Забыла бы о немъ!

Я все ждала, что онъ вспомнитъ, позоветъ. Теперь знаю, что никогда, никогда онъ ко мнѣ не вернется! Онъ купитъ себѣ все. И ласки, и любовь.

И я тоскую о немъ. Милый! Вернись! Ко мнѣ!

И такъ продать себя?

Я выйду замужъ. Это самая дорогая цѣна. К. мнѣ противенъ. Физически гадокъ.

Но, если я выйду замужъ, я знаю, я буду примѣрной женой.

Ну, а если не хватитъ силъ?

Охъ, эти ночи! Ночи безъ сна!

Когда я много думаю о немъ, у меня болитъ голова. Все кружится передъ глазами. Зеленѣетъ. Неужели я сойду съ ума? Кошмары!

И вѣдь я знаю, что это кошмаръ! Я же знаю! Слышите, я знаю! Здѣсь никого нѣтъ! Я и тетрадь.

А? Что это за шумъ?

Перо, только перо. Но... впрочемъ. Да, боюсь!

Кто тамъ сзади меня? Боюсь посмотрѣть. Боюсь...

Сегодня ровно мѣсяцъ, какъ мы разстались съ А. Онъ бросилъ меня съ моей любовью, какъ старую надоѣвшую ему вещь.

Какъ тяжелымъ камнемъ придавило меня это. Ужасъ! Страшный ужасъ. А называется это правдой! Иной правдой можно убить человѣка. И всетаки это будетъ правда.

Все проходитъ. Все мѣняется. Мѣняются люди, ихъ чувства!

О, время! Иди скорѣй!

Правда говорятъ, мы любимъ то, что даетъ намъ больше страданій!

Tristezza

Жду. Тоскую. Ожидаю его возвращенія. Если бъ позвалъ, пошла бы за нимъ хоть на край свѣта! Пошла

бы на муки! Презирала бы себя, а пошла бы! Тоскую. Все время должна куда то бѣжать. Должна быть съ людьми. Такъ тоскливо!

И кого мы любимъ? Героевъ, которыхъ мы сами себѣ создали. Одѣли ихъ въ красочныя одежды и наградили чуждыми имъ заслугами.

Я помню случай. Онъ носитъ фотографію умершей, близкой ему раньше, женщины. Разъ я попросила показать мнѣ этотъ портретъ, и онъ сказалъ: Я бы не хотѣлъ, чтобы ты смотрѣла.

И странно, мнѣ было пріятно это. Пріятно, что у него есть что-то святое!

И къ этому его чувству я всегда относилась съ особымъ уваженіемъ. Въ дни ея памяти я совершенно стушевывалась. Боялась какъ нибудь неосторожно напомнить о себѣ.

А вотъ разъ одна моя пріятельница, Алек. Вас., разсказала мнѣ, что въ одинъ изъ этихъ, чтимыхъ мною дней, онъ встрѣтился, правда случайно, съ одной знакомой и просилъ у нея свиданія.

Мнѣ было ужасно обидно! Чувство мое было унижено. Мой герой оказался обыкновеннымъ грязненькимъ человѣчкомъ! Лучше я этого бы не знала! Пусть бы осталось хоть ложная красота его души!

Пусть мнѣ онъ скажетъ, что все, что было между нами, наши нѣжныя встрѣчи, наши общія мысли, бесѣды, все это правда!

Я такъ нехорошо себя чувствую со вчерашняго дня.

Все пусто! Не могу вѣрить, что у меня было счастье. Что оно принадлежало только мнѣ. Можетъ быть и не было любви, и не было никакого чувства? Трудно успокоиться. Все вертится передъ глазами. Не думала, что вѣру въ него мнѣ больнѣе потерять, чѣмъ его самаго.

Встаю, ложусь, съ мыслью о немъ.

Нѣтъ дня, нѣтъ часа, когда моя душа не была бы съ нимъ.

Мнѣ хочется сказать ему: „Будь счастливъ“. Но я чувствую, что это не будетъ искренно. Въ душѣ какое то возмущеніе противъ этого.

Con agitazione

Вчера былъ день моего рожденія. Праздновали его у „Медвѣдя“. Я, Марія, двѣ француженки и четверо мужчинъ. Француженки не были красивы, но мужчины почему то къ нимъ тянулись.

Жанна, тонкая, гибкая, съ простымъ неинтеллигентнымъ лицомъ. Нахальна, цинична. Все вскакиваетъ на стулъ и поднимаетъ при этомъ юбку, какъ можно выше.

Анджела, лицо красивое, но фигура очень полна. Не изящна. Вяла и неподвижна. Руки у обѣихъ не красивыя.

Всѣ много пили. Всѣ, кромѣ меня.

Я только наблюдала.

Боже, какъ скучно! Какъ всѣ противны мнѣ!

Impreviso

Вернулся онъ! Я знала это на другой день. Отъ той же подруги, Алек. Вас., первое, что онъ спросилъ, это было обо мнѣ!

Я просила ее ничего не разсказывать, но она все-же передала его слова. „Я ее очень люблю, уважаю, но что-же мнѣ дѣлать, если все другое у меня выдохлось."

Я сейчасъ же вспомнила другой его разговоръ. „Очень" любить нельзя. Такой любви нѣтъ. Есть только одно простое „люблю".

Передали мнѣ, что у него уже былъ тамъ флиртъ.

Зачѣмъ мнѣ это знать? Я не хочу.

Онъ сказалъ, что повидаетъ меня. Я бы рада, но зачѣмъ? Скорѣй бы уѣхать изъ Петрограда!

Inguietissimo

Что я чувствую?

Я знаю, что онъ здѣсь, въ Петроградѣ. Я способна подстерегать его, въ щелку подсмотрѣть на него. Но никогда не допущу себя до этого униженія.

Опять тѣ же головныя боли! Та же мука!

Скорѣй бы уѣхать!

Con disperazione

Вчера у меня былъ онъ. Пришелъ самъ. Безъ моего зова, безъ предупрежденія.

Наши отношенія возстановились прежнія. Какъ будто мы не разставались. Какъ-будто и не было разрыва. Я безконечно счастлива. И такъ же несчастлива.

Меня гнететъ, что онъ пришелъ изъ жалости. Вѣдь чувства нѣтъ! Онъ даже, кажется, дѣлаетъ насиліе надъ собой. Ему скучно со мной! Это я вижу. Чувствую.

Родной мой. Я всегда ждала конца. Всегда знала, что ты уйдешь отъ меня. Я переживала этотъ конецъ. Теперь ты вернулся. Сначала безумная радость, безумное счастье, а потомъ опять... такой ужасъ! Ужасъ безъ конца.

Онъ вѣроятно думаетъ, что я успокоилась. А впрочемъ, какое ему дѣло до меня. Просто захотѣлъ и пришелъ. Захочетъ, опять уйдетъ. Что ему до моихъ чувствъ! Вѣдь онъ пришелъ, чего же надо? Любви?! Глупая я. Пришелъ, какъ король и подалъ милостыню голодному. Любви нѣтъ, не было и никогда не будетъ!

Алексъ, Алексъ! Я сойду съ ума! Я убью тебя или себя!

Я не могу такъ! Развѣ ты не чувствуешь, мы оба фальшивимъ.

Affitto

Все чего то не хватаетъ. Не удовлетворяетъ. Нѣтъ дороги для меня. Нѣтъ силъ жить!

Неужели я представляю изъ себя только одно — чувственную женщину? Я думала порвать, уйти, но сейчасъ же на какой я мысли себя поймала? Что можетъ быть встрѣчу другого, котораго полюблю.

Значитъ, я живу только этимъ! Это у меня главное въ жизни!

Кончено. Нужно уѣзжать. Чувства нѣтъ у него.

Нѣтъ. Онъ ищетъ новое. А кто ищетъ, — найдетъ! Мнѣ нечѣмъ удержать его. Я не умна, не интеллигентна. Ничѣмъ не интересуюсь. Уже не молода. Некрасива. Довольно, надо уйти. Аля! Мой Аля!

Addolorato

Нѣтъ ни одной здоровой мысли. Все построено на чувствѣ. Когда то давно, я вышла изъ среды своего круга, деревни. Я выросла выше ихъ на голову, но не доросла до людей. среди которыхъ вращаюсь.

Отъ одного берега отплыла, а къ другому не приплыла. Надо бросить все это и уѣхать сестрой на войну.

Работать изъ за куска хлѣба? А къ чему это? Дальше что? Новая связь и съ ней новыя муки? И въ этомъ смыслъ жизни?

Знаю, существуютъ другія цѣли, интересы. Много красиваго интереснаго въ жизни, кромѣ любви. Но мнѣ это недоступно. Я ничего не знаю. Я узкая, будничная. Есть красивыя, умныя, поэтическія натуры. Такую женщину онъ ищетъ. А если я ничтожество, моя любовь-тягость.

Мой любимый! Родной! Я не буду мѣшать. Ты моя радость! Моя мука!

Con dolore

Я попала въ какой-то водоворотъ и кружусь на одномъ мѣстѣ.

И нѣтъ у меня выхода.

Оставаться нельзя, а уйти не могу. Онъ возненавидитъ меня. Но что же мнѣ дѣлать?

Всѣмъ, что есть живого во мнѣ, каждой мыслью своею я прикрѣпилась къ нему. Внѣ его я ничего не вижу, не слышу, не чувствую. Мнѣ хотѣлось, чтобы около меня былъ кто нибудь близкій, кто бы помогъ мнѣ. Я безвольная.

Какъ-то онъ сказалъ „Со своими затѣями въ одинъ прекрасный день я могу остаться нищимъ. Я думала сегодня объ этомъ. Какое это было бы для меня счастье! Съ этимъ онъ потерялъ бы три четверти своего обаянія въ глазахъ женщинъ! Потерялъ-бы свою увѣренность!

Мужчины не знаютъ, какъ привлекаетъ женщинъ возможность обставить красиво ихъ любовь. Я бы осталась съ нимъ одна! Единственная. И была бы близкой и дорогой!

Sesibilissimo

Куда же я теперь пойду? Зачѣмъ я поѣду на войну?

Да и вообще жить, зачѣмъ? Буду старая. Одинокая. А я боюсь одиночества! Если бы любить что нибудь, вѣрить во что нибудь!

Я не знаю, зачѣмъ существуетъ міръ! Люди? Зачѣмъ они рождаются? Живутъ, что то дѣлаютъ, чему то учатся и, въ большинствѣ, неудовлетворенные, въ конецъ измученные, жизнь проклинающіе, умираютъ? Зачѣмъ все это?

Кто жизнь благославляетъ, пусть живетъ! А слабые?

Зачѣмъ они? Пусть гибнутъ! Зачѣмъ ты мнѣ жизнь? Что я съ тобой буду дѣлать?

И странно! Если бы я получила увѣренность, что онъ всю жизнь будетъ сидѣть около меня, безъ порывовъ безъ исканій, стремленій, какъ самый обыденный ординарный мужъ, развѣ я не рванулась бы отъ него! Развѣ это меня удовлетворило бы? Эта жизнь безъ бурь, безъ тревогъ? Мнѣ въ немъ это именно и нравится!

И пусть онъ будетъ всегда такимъ! Пусть всегда къ чему нибудь стремится. Чего нибудь ищетъ!

Онъ больше всего любитъ свободу и въ этомъ его красота.

И мы не можемъ итти рядомъ! У него есть воля, у меня ея нѣтъ. Его чувства подчинены волѣ, у меня воля чувству.

Я любила его. Его душу непокойную. Теперь надо разстаться. У меня хватитъ силъ!

И вотъ сейчасъ я отъ всей души говорю: Будь счастливъ, мой любимый! Я благославляю тебя за все счастье и за всѣ муки. Да, за муки! Потому-что съ ними я познала тебя. Какое яркое счастье ты мнѣ далъ!

А теперь я уйду. Теперь я люблю тебя по новому. Болѣе чисто и свѣтло.

Даже не боюсь твоей измѣны, потому что измѣны нѣтъ. Не можетъ быть! То что вызвано другой, это уже не мое! Мнѣ оно не принадлежитъ. И слѣдовательно измѣны нѣтъ! Можетъ быть только горе. Ты ищешь въ другихъ то, чего нѣтъ у меня. Ты долженъ это найти, пополнить. И я не буду препятствіемъ!

Вчера я была на бѣгахъ. Былъ тамъ Ф., смѣшной и глупый такой. Ревнуетъ меня ко всему.

Иногда я чувствую себя большой и хищной птицей. Чувствую могучій приливъ силъ. Мнѣ кажется все, что я вижу, подъ моей властью. Тогда мужчины, на которыхъ я случайно взгляну, оборачиваются мнѣ вслѣдъ. Идутъ за мной, какъ загипнотизированные.

Проходитъ это настроеніе, уходитъ и моя власть!

Вчера былъ одинъ изъ такихъ дней. Ф. сказалъ, что онъ живетъ въ Петроградѣ около 8 лѣтъ и ни разу вечеромъ не оставлялъ жену дома одну, а вчера онъ былъ готовъ это сдѣлать. Онъ былъ готовъ всѣ наличныя сбереженія отдать мнѣ. Отдать за одинъ вечеръ.

Нѣтъ. Нѣтъ. Надо что нибудь могучее, сильное!

Вася?... Да. Славный мальчикъ! Но когда я представляю его себѣ въ роли мужа, мнѣ вспоминается „Гадкій утенокъ“ Куприна.

А надо отвлечь свои мысли отъ Алекса.

Да и что же въ концѣ концовъ въ немъ, что такъ тянетъ къ нему?

Почему въ его присутствіи я чувствую себя такой жалкой, приниженной? Связанной по рукамъ? Въ чемъ его власть надо мной? Вѣдь я же не признаю въ немъ ничего выдающагося. Ни ума, ни красоты. Въ чемъ его сила? Почему непремѣнно я люблю его, а не другого? Вѣдь всего позорнѣе, онъ меня не любитъ, не уважаетъ, считаетъ ниже себя и даже этого не скрываетъ. Зачѣмъ онъ мнѣ нуженъ?

Почему, какъ собаченка, я готова лизать его ноги, бѣжать за нимъ и въ своемъ униженіи, презирать себя?

Почему? Не знаю. Это какое то безуміе!

Когда я представляю себѣ, что онъ можетъ быть ласкаетъ теперь другую, это еще ничего. Но когда я подумаю, что онъ съ отвращеніемъ вспоминаетъ обо мнѣ. Это ужасно!

Будетъ чувствовать усталость и пресыщеніе мною!

Этого я не смогу вынести!

Для него вѣдь я только женщина, а какъ такая я ему надоѣла.

Какъ личность — я никогда не существовала.

Подумалъ ли онъ хоть разъ обо мнѣ тамъ, на курортѣ?

Что было бы, если я пріѣхала къ нему?

Онъ прогналъ бы меня. Да, да прогналъ бы!

Когда я думаю такъ, во мнѣ поднимается ненависть!

Я готова тогда убить его своими руками! Да мало убить. Измучить его раньше!

Нѣтъ, нѣтъ. Надо разстаться! Я не перенесу его вторичнаго ухода! Кончу или преступленіемъ или самоубійствомъ.

Вотъ передо мною его фотографія, лицо его смотритъ на меня такъ иронически.

Первый разъ, когда онъ ушелъ, я тосковала, теперь я буду ненавидѣть его! А между тѣмъ уйти сейчасъ отъ него все равно, какъ заживо лечь въ могилу. Все будетъ мертво. Потеряется смыслъ жизни.

Что жъ, остаться? И ждать каждую минуту, когда онъ опять вышвырнетъ изъ своей жизни? Этого я не могу!

Алексъ, что ты сдѣлалъ со мной? Какимъ ядомъ ты отравилъ меня? Зачѣмъ вернулся? Потянула ли тебя тоска ко мнѣ или только то, что не нашелъ второй, до самозабвенія влюбленной въ тебя, женщины. И такой же чувственной!

„У меня нѣтъ въ тебя влюбленности", сказалъ онъ какъ-то. О, я это хорошо знаю! Знаю, что твоя влюбленность была вспышками. Я ихъ помню всѣ. Первая, когда мы впервые ѣхали на Кавказъ.

Когда второй разъ ѣхали, влюбленности уже не было.

Ты даже нѣсколько тяготился мною!

Послѣ второй поѣздки въ прошломъ году въ теченіи недѣли была самая сильная, самая красивая влюбленность! И ты всегда стыдился мнѣ это показать. А я дѣлала видъ, что не замѣчаю.

Была влюбленность въ третій разъ опять на Кавказѣ.

Потомъ было пресыщеніе. Все это я помню! Все это я знаю! Теперь я тебя уже не интересую.

Ничего ты во мнѣ ужъ не ищешь, ничего не ждешь. Я для тебя вся ясна и открыта.

Con affizione

Человѣкъ несчастный болѣе наблюдательный, чѣмъ счастливый. Онъ тоньше чувствуетъ, острѣе воспринимаетъ.

Я банкротъ въ жизни.

Единственная соломинка — онъ. Но, если сильнѣе

за нее держаться, она переломится и я потеряю и ее. А мнѣ нечѣмъ больше жить.

Мнѣ кажется все вокругъ идетъ, не какъ раньше. Не такъ свѣтитъ солнце. Не такъ ходятъ, говорятъ люди! Будто у каждаго изъ за спины выглядываетъ другое, скрытое лицо. И я вижу эти лица! Всѣ люди не искренны. Всѣ притворяются! И всѣ такіе, обыденные. Вчера я была у Алек. Вас. Маленькая, маленькая она. Сѣренькая. Была у меня Марія, и она такая же.

Пришелъ вечеромъ онъ. Хотѣлось прижаться къ нему, найти у него, чѣмъ можно жить. Но что то встало между нами. Что то мѣшаетъ душевной близости.

Сегодня получило письмо отъ Васи, гдѣ черезъ слово, „милая и милая“. Все такое маленькое!

И погода такая промозглая. И итти некуда. И ждать нечего. Развѣ молиться пойти? Можетъ быть Богъ поможетъ?

А есть Онъ?

Въ Евангеліи сказано: Ни одинъ волосъ не упадетъ съ головы человѣка безъ воли Господней. Все въ Его волѣ.

Пойти въ театръ сегодня или ко всенощной?

У насъ въ лазаретѣ лежатъ больные люди. Въ театрѣ будутъ здоровые. Но и тѣ другіе, не настоящіе. Настоящій человѣкъ только, когда онъ одинъ. Иначе всегда притворяется. Алексъ говоритъ, люди часто сами съ собою даже не искренны. Обманываютъ себя. Завѣдомо на что нибудь закрываютъ глаза.

Всѣ хотятъ выглядѣть умнѣе, красивѣе, а на самомъ дѣлѣ почти всѣ сѣренькіе.

Музыка, литература, искусство, все это такъ только. Все это не настоящее. Настоящее только мысли! Невысказанныя мысли!

Всѣ тѣ, что проповѣдуютъ любовь, самопожертвованіе, всѣ они лгутъ!

Всѣ не живутъ, а приспособляются къ жизни. А жизнь что то жуткое! Страшное!

Думаю, что душа, какъ и тѣло, состоитъ изъ маленькихъ клѣточекъ. И подъ ударами жизни они грубѣютъ, принижаются, гнутся и разрушаются. Или же на оборотъ они дѣлаются болѣе тонкими, возвышенными.

Для этого нужна какая нибудь могучая страсть къ кому нибудь или чему нибудь сильному, красивому, возвышенному.

Aequoanimo

Сегодня были съ нимъ на выставкѣ картинъ. Встрѣтила тамъ одну знакомую учительницу. Она прекрасный человѣкъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, распутная женщина.

Какъ-то она разоткровенничилась. Всю душу свою обнажила передо мной.

И теперь стыдится меня, не знаю почему.

Я никогда ни словомъ, ни взглядомъ, не напомнила ей объ этомъ. Никогда не осуждала ее. А ей стыдно меня. Она близка даже по душѣ мнѣ.

Только я не вѣрно сказала „распутная“. Ею руководитъ ни развратъ, ни распущенность, она ищетъ человѣка. Только идетъ она по невѣрному пути.

Нѣтъ абсолютно хорошихъ людей, какъ нѣтъ и совсѣмъ дурныхъ. Въ каждомъ есть и то, и другое.

Тамъ же на выставкѣ я встрѣтила знакомыхъ художниковъ. Раньше они мнѣ представлялись какими то высшими существами, а потомъ, когда я присмотрѣлась къ нимъ въ бытность мою натурщицей, я увидѣла, что въ массѣ они мелкіе, а въ лучшемъ случаѣ, жалкіе люди.

И такъ много среди нихъ пошляковъ! Помню давно, уже покойный Б. далъ мнѣ карточку къ извѣстному художнику Н., онъ просилъ меня показаться, раздѣться. Я раздѣлась.

Вдругъ онъ подходитъ ко мнѣ, беретъ за подбородокъ и говоритъ, если Вы не капризная, буду платить 5 руб. за 2 часа, а если недотрога, то 50 коп. за часъ. Не знаю, была ли я права, только въ отвѣтъ я его такъ ударила, что онъ пошатнулся.

Черезъ нѣсколько дней Б. спросилъ его, видѣлъ ли онъ меня и тотъ сказалъ, что я не приходила.

Былъ почти такой же случай съ нѣкимъ П.

Я позировала ему три недѣли въ платьѣ, а когда раздѣлась, онъ накинулся на меня, какъ дикарь!

Помню художника Ч., до такой степени грязнаго, что трудно было разобрать, гдѣ кончаются его волосы и гдѣ начинается шея. Разъ во время моего позированія въ Академіи Художествъ, когда сеансъ кончился, все ушли и я стала одѣваться, онъ накинулся на меня и хотѣлъ совершить насиліе. Дѣло было въ мастерской Академіи, тамъ нашлось какое то орудіе подъ руками и я, имъ защищаясь, пробила ему голову.

Это было очень кстати, такъ какъ его тогда хоть обрили наголо и вымыли.

Даже П. Ф. П., моя гордость, упалъ впослѣдствіи съ пьедестала. Только нѣсколько художниковъ, изъ тѣхъ кого я знала, и остались на относительной высотѣ.

На выставкѣ меня узнали, но подойти не рѣшались, видя меня не одну.

Facetissimo

Вчера я съ Маріей были въ гостяхъ у Васи. Онъ снимаетъ въ семьѣ двѣ прелестныя комнаты. Пили чай, былъ даже ликеръ. Вася влюбленъ, и такъ трогательно! Хотя подчасъ мнѣ это бываетъ противно. Его влюбленность обязываетъ меня бережно къ нему относиться. Связываетъ.

Потомъ всѣ трое пошли къ П. Г. Тамъ былъ еще совсѣмъ зеленый мальчикъ, офицеръ. Марія кокетничала напропалую и съ П. Г., и съ зеленымъ. Вася и офицеръ проводили насъ до дому и Марія отомстила П. Г. за небрежное отношеніе.

Я довольна. Сразу за всѣхъ женщинъ.

Grazioso

Получила сегодня письмо отъ Московской подруги О. В., вотъ оно:

Милая, славная, хорошая-хорошая, непокойная

Вѣра Андреевна.

Была я рада получивъ Ваше письмо. Вы все такая

же. Все куда то несетесь, чего то ищете. Должно быть хорошаго. А его нѣтъ! Совсѣмъ хорошаго то.

А если было, то его взяли другіе, тѣ, что даже не искали его совсѣмъ. Взяли, потому, что могли взять. Да еще потому, чтобъ не осталось ищущимъ, а потому и лучшимъ.

А все, что Вы находите и думаете, что это кладъ, не стоитъ радости, чтобъ радоваться и слезъ, чтобъ печалиться!

Ну, что хорошаго дали Вамъ Ваши подчасъ искреннія увлеченія? Тоску. Одну ужасную тоску. И ненависть. Вотъ Вы теперь собираетесь на фронтъ. И боитесь, что не сможете уѣхать. А я скажу Вамъ не стоитъ ѣхать туда.

Не понравится Вамъ. Не найдете Вы тамъ ничего привлекательнаго. И спокойствія также.

Я бы очень хотѣла съ Вами встрѣтиться, но въ Петроградъ я сейчасъ ѣхать не могу. Въ Москвѣ пробуду до Октября, потомъ думаю поѣхать къ Ф. И., онъ все, по старому, командиръ транспорта и сейчасъ въ Минской губерніи. Пріѣзжайте-ка Вы въ Москву! И непремѣнно. Давно мы съ Вами не видались! Напишите, когда ждать.

Тепломъ на меня пахнуло отъ этого письма. Вспомнился мнѣ ея мужъ Ф. И. Онъ еще прозвалъ меня: Она цыганка. Цыганка по душѣ и по крови. Въ ней чувствуется знойная страсть и безшабашность. И безпричинная тоска, и радость. Любовь къ простору, любовь къ бродяжничеству.

Все это, какъ мнѣ кажется, у всѣхъ есть! Я люблю свободу. Люблю новыя мѣста. Но безшабашности особой у меня нѣтъ. Тоска и грусть идутъ всегда рядомъ со мной.

Ахъ, какъ жаль, что я не знаю музыки, нѣтъ голоса! Всю тоску, все горе, можно вылить въ музыкѣ! Выплакать въ пѣснѣ!

Послѣдній разъ онъ сказалъ, что хочетъ полюбить, какъ любятъ въ молодости. Чтобы чувство захватило. Онъ ищетъ и найдетъ. А найдетъ, и уйдетъ отъ меня. Я ему нужна сейчасъ, потому-что онъ еще не нашелъ и быть можетъ долго не найдетъ. А какъ мнѣ, хорошо ли будетъ до тѣхъ поръ, ему дѣла нѣтъ!

Affenato

Одна мысль изъ его письма не даетъ мнѣ покоя. „Чѣмъ то безсмысленнымъ, нехорошимъ, кажутся мнѣ наши отношенія безъ любви."

Я согласна съ нимъ. Подобныя отношенія не только безсмысленны и нехороши, но для меня даже унизительны.

Но зачѣмъ же тогда онъ вернулся къ тому, что самъ назвалъ безсмысленнымъ?

Надо уйти. Уйти отъ всего этого. Въ жизни масса интереснаго помимо любви. Да и надо учиться!

Можно любить ни кого нибудь одного, а жизнь любить! Все живое. Жизнь такъ прекрасна! Вѣдь все проходитъ! Я мечтала еще недавно, что нашей близости не будетъ конца, а теперь твердо знаю, что конецъ будетъ. И когда я представляю его, я чувствую уже не острую,

а тупую боль. Боль? Что такое боль? Не было бы боли, не чувствовала бы и радости!

Все таки устала я. Отдыха нѣтъ. Кому повѣрить? Некому. Нѣтъ такихъ!

Козьмѣ! Онъ не дастъ боли, а безъ нея не будетъ и радости. Мих. Ад-чу.? Что онъ? Хорошій, очень хорошій, но безъ характера. Тряпка.

Вспомнишь всѣхъ. Каждый что то взялъ и что-то далъ.

Въ то время къ каждому тянуло, а теперь они поблекли, полиняли.

Іосифъ? Пять лѣтъ жизни ушло на него и потомъ, вплоть до разрыва съ А., онъ все интересовалъ.

Часто думала о немъ, чувствовала былую боль. Только новая ее заглушила. Совсѣмъ стерла изъ памяти! Вотъ теперь, если съ нимъ встрѣтиться, ничего кромѣ любопытства я не чувствовала бы.

Совсѣмъ, совсѣмъ пустое мѣсто стало въ душѣ.

Алексъ въ послѣднее время сталъ совсѣмъ другой.

Новый. Я присматриваюсь къ этому новому и иногда узнаю въ немъ прежнія черты. Только они стали рѣзче. Грубѣе.

Мои слезы горятъ. Ядомъ душу поятъ.
Мракъ и ночь впереди. Мракъ и ночь надо мной,
А въ отвѣтъ голосъ твой: Уходи, уходи...
Жизнь, какъ ты мнѣ лгала! Вкругъ могильная мгла,
Силы гаснутъ въ груди. Скоро конченъ мой путь!
Смерть зоветъ отдохнуть, „Приходи! Приходи!“

Disperatamente

Нельзя человѣку жить, когда онъ боится, что каждый день, каждый часъ, надъ его головой разразится ударъ грома.

Аля, близкій, родной! Самый близкій, самый дорогой для меня человѣкъ, ты, какъ будто, безнадежно болѣнъ, и вотъ-вотъ не сегодня-завтра я потеряю тебя. Такое чувство сейчасъ у меня къ тебѣ.

Все въ сущности вздоръ передъ вопросомъ жизни и смерти. Все ничтожно. Смерть — итогъ жизни, конецъ жизни и... покой отъ жизни. Сейчасъ чувство безнадежной тоски и страха, а дальше вѣроятно будетъ желаніе конца. Все равно какого, но конца.

Больно мнѣ, больно! Чувство одиночества покинутости гнететъ меня.

Ужасъ въ томъ, что все проходитъ. Остается въ душѣ только пустота и холодъ. Самое страшное въ жизни одиночество. И всѣ вѣдь одиноки. Всѣ этимъ болѣютъ. Только одни нагромождаютъ на себя дѣла, обязанности, любовь къ кому нибудь или къ чему нибудь. Одиноки и тѣ, которые окружены близкими. Передъ близкими часто лгутъ, притворяются; ради ихъ же спокойствія.

Affitto

Больше писать нечего и не для кого. Пусто и холодно. И устала я. Смертельно устала. Алексъ, я не люблю тебя больше! И не ты причина. Все мнѣ невыносимо. Никого и ничего не жаль.

Placidamente

Зачѣмъ лгать? Стыдно и обидно за себя сказать правду. Тоска. Невыносимая тоска, вотъ причина. Въ сущности у меня только обида. А впрочемъ, не разберусь. Еще въ деревнѣ, въ прошлую нашу ссору, я рѣшила, что жить больше не стоитъ. Теперь я долго думала надъ этимъ еще и пришла опять къ этой же мысли.

Только вопросъ, какъ перестать жить? У меня есть рецептъ на мышьякъ для подкожнаго вспрыскиванія. Съ нимъ можно пойти въ аптеку и заказать сразу двѣ порціи. Сказать, что я уѣзжаю въ деревню что ли. А тамъ аптека далеко.

Calma

Была въ аптекѣ, мнѣ все сдѣлали. Я отправилась потомъ въ другую, разсказала тамъ, будто одна нервно больная взяла по этимъ рецептамъ двойное лекарство и заперлась. Будетъ ли отравленіе, если она все выпьетъ? Сказали: Будетъ обязательно.

Пришла домой и рѣшила, выпью на ночь. Вотъ и близкій конецъ!

И не ужасъ, не страхъ, я испытываю, а мертвый покой.

Я ужасно устала. Вѣчный страхъ, сомнѣнія. Будетъ что нибудь опредѣленное. Конецъ, и довольно!

Вѣдь нѣтъ же, нѣтъ, безумной любви.

Моя соломинка не выдержала и я падаю. Никого не жаль. И онъ такой же чужой. И у меня въ душѣ пустота. Голова болитъ, это хуже всего.

Написала ему письмо; отослала. Мышьякъ, вероналъ на столѣ. Какъ трудно было достать! И почему я, такая глупая, не запаслась этимъ въ лазаретѣ!

Я выпила въ три часа. Раньше взяла ванну и очистила желудокъ. Ожидала, что сразу будетъ обморокъ, боль, словомъ что нибудь, а сейчасъ 4 часа и ничего.

Всегда мнѣ такъ хотѣлось записать о себѣ. Записать все до мелочей. Всѣ свои мысли, мечты, всѣ поступки.

И всегда былъ стыдъ, что кто то узнаетъ. Стыдъ? За что? За свои паденія? За пережитые годы позора? За острую нужду, голодъ, ведущіе за собой опять позоръ и паденія?

Но развѣ я не боролась? Развѣ я не старалась удержаться? Развѣ я не искала труда, не искала нравственной поддержки? А что я находила? Не людямъ меня судить.

Передъ ними я не виновата. Да и въ концѣ концовъ не хватитъ никакихъ силъ!

Теперь, я уже иду спокойно на всѣ компромисы. Притупились всѣ чувства. Временами теряю понятіе о добрѣ и злѣ, честности и безчестьи. Хотя, какъ каторжникъ, имѣю свою мораль. Можетъ быть я суха, неблагодарна, но больно я замучена! Затравлена. Потеряла вѣру въ людей.

Обидно. Приходитъ въ жизнь человѣкъ чистый, а люди которые уже жили, переживали, не оберегаютъ пришельца отъ грязи, а напротивъ толкаютъ его въ про-

пасть жизни и даже гордятся, если имъ удастся толкнуть его на самое дно!

А когда человѣкъ вернется оттуда, весь облипшій грязью, станетъ какъ большинство изъ нихъ, его принимаютъ съ распростертыми объятіями.

Я замѣтила это на себѣ. Меня меньше цѣнили и уважали, когда я была молоденькой дѣвушкой, когда жизнь меня только что смяла, меньше чѣмъ теперь, когда мнѣ 30 лѣтъ, когда лучшая половина жизни уже прожита. И какъ еще прожита!

Помню я себя въ глухой деревенькѣ девятымъ ребенкомъ у родителей. Чуть-чуть помню свою избушку, по вечерамъ освѣщающуюся лучиной. Помню холодъ. Помню, какъ мать съ моей старшей сестрой ночью съ саночками уходили зимой въ лѣсъ помѣщика воровать хворостъ.

Какъ изо дня въ день мы ѣли хлѣбъ съ водой и зеленые щи. Чая никогда не пили.

Мать моя умерла, когда мнѣ было всего 5-ый годъ. Ее я плохо помню. Но почему то въ памяти одна сцена. Наша избушка съ двумя полутемными оконцами. Русская печь въ четверть избы. Другую четверть занимаютъ теленокъ и три куры. Вижу отца въ синихъ штанахъ, красной рубахѣ, съ растегнутымъ воротомъ на груди. Босякомъ со всклокоченными волосами. Стоитъ онъ по среди избы пьяный и страшный, съ веревкой въ рукѣ. Мать и я сидимъ въ углу подъ образами. Слышу, какъ сейчасъ, его голосъ: ну, Анна Алексѣевна, молись Богу. Сейчасъ я тебя удавлю.

Давилъ ли отецъ на самомъ дѣлѣ мою мать, я не

помню. Не знаю. Я тогда заболѣла падучей, какъ говорили мнѣ. И болѣзнь эта долго продолжалась. Остались слѣды ея и до сихъ поръ, въ видѣ истеріи.

Мать умерла своей смертью. Отецъ меня по своему любилъ. Старшія сестры разбѣжались изъ дома изъ за его тяжелаго характера. И первые года, лѣтъ до 12, мнѣ было съ нимъ очень тяжело. Отецъ сильно пилъ, а пьяный, буянилъ. Жили мы съ нимъ въ двоемъ, заброшенные, въ грязи и нищетѣ. Я всегда была больна и голодна. Разъ только, когда отецъ очень ужъ сильно меня прибилъ и я лежала въ земской больницѣ четыре мѣсяца, это были самые свѣтлые дни моего дѣтства. Каждый день кормили тогда до сыта. Боже, какъ я тогда много ѣла!

Отца я тоже любила, но боялась. И стыдилась за него. Любила я тогда еще одну изъ своихъ сестеръ, единственно меня иногда голубившую. Ея судьба еще тяжелѣе. Отецъ не любилъ ея до ненависти; она платила ему тѣмъ же. Онъ ее выгналъ изъ дому дѣвченкой лѣтъ 15-ти и она сперва жила работницей въ богатомъ домѣ. Потомъ ушла въ Ярославль и я провожала ее съ версту.

Она вела меня за руку. И маленькая, и взрослая, шли мы и плакали, молча. Также молча и простились поцѣлуемъ.

Послѣ Лизы меня никто больше не ласкалъ.

Я встрѣтилась съ ней уже, когда мнѣ было 13 лѣтъ. Съ одной изъ сестеръ я пошла въ Ярославль на богомолье, и вотъ тамъ, въ одномъ изъ публичныхъ домовъ, жила Лиза. Мы ночевали тамъ и я видѣла, какъ жи-

вутъ въ публичномъ домѣ. Видѣла, какъ тамъ вечеромъ одѣваются. Какъ проводятъ день.

Но только я тогда не знала, что это такое за публичный домъ.

Тамъ меня все поражало: зеркала, масса свѣта, нарядныя дѣвицы. И то, что они курятъ и ничего не дѣлаютъ. Лиза тоже курила и мнѣ это было стыдно.

Теперь она больное жалкое существо. Живетъ у одной изъ сестеръ.

Когда мнѣ стало 12 лѣтъ, я уже начала заботиться о себѣ сама. Нанималась лѣтомъ въ няньки. Зимой я ходила въ школу. Училась хорошо, только часто болѣла. Въ деревнѣ я была первая грамотейка. Читала я много. Все, что попадалось.

Какъ-то лѣтомъ пріѣхала Лиза погостить, привезла мнѣ откуда то цѣлый ящикъ книгъ. Тамъ были больше романы, были и научныя книги. Я всѣ ихъ перечитала по нѣсколько разъ.

Чтеніе совсѣмъ отдалило меня отъ семьи. Явились грезы. Мечты. Неясныя желанія. Меня уже неудовлетворяло ѣсть, пить, спать и работать. А въ праздникъ отдыхать т. е. опять спать. Это казалась не жизнью. Это была тоска.

О городѣ и городской жизни я узнала тоже изъ книгъ. Тамъ разсказывали про совсѣмъ другую жизнь, про другихъ людей.

И городъ сталъ тянуть меня къ себѣ. Хотя былъ передъ нимъ и страхъ.

Лиза жила вѣдь въ городѣ и что съ ней стало?

Въ то время отецъ сталъ меньше пить, хотя меньше и зарабатывалъ. Началъ старѣть. Чтобы облегчить себѣ жизнь, онъ вздумалъ отдать свою землю мужу своей старшей сестры. И тогда вся его семья, 8 человѣкъ, поселилась въ нашей избѣ. Крикъ и драка между дѣтьми были постоянные. Настоящій адъ былъ.

Отецъ понялъ скоро, что сдѣлалъ глупость; въ особенности, когда вся эта семья съѣла у насъ и хлѣбъ, и картофель. Къ ссорамъ дѣтей прибавилась тогда злоба старшихъ. Жизнь стала прямо невыносимой. Я рѣшилась уѣхать изъ дому во чтобы то ни стало.

Въ это время въ нашу деревню пріѣхала одна монахиня, матушка Агнія.

Лѣтъ 30 тому назадъ она была дѣвушкой нашей деревни, а потомъ ушла въ монастырь. Говорятъ у ней грѣхъ случился тогда. Теперь ей было лѣтъ 50. Высокая, сухая такая. Все время перебирала четки. Глаза хорошіе, добрые. Набралась я какъ то смѣлости и заговорила съ ней. Спросила, хорошо ли въ монастырѣ? И она мнѣ многое разсказала о ихъ жизни.

Стали мы ходить вмѣстѣ въ церковь и я молилась по ея четкамъ.

Помню, когда она садилась, она раньше крестила свое мѣсто.

Я на нее смотрѣла, какъ на высшее существо. Какъ на святую. Спрашивала ея совѣта, какъ мнѣ жить.

Теперь я только поняла, что жизнь она меньше меня знала!

Просила ее взять меня въ монастырь, но получила

отказъ. „Мы беремъ въ послушницы только здоровыхъ, сильныхъ. Онѣ должны много работать. Ты для этого не годишься“, сказала она. „Вотъ если бы у тебя были деньги, ты могла бы купить келью и тогда дѣлать ничего не надо.“

Въ тоже лѣто къ намъ въ деревню пріѣхала одна Петербургская семья. Съ этой семьей, съ молодежью, я тоже сблизилась. Тамъ былъ студентъ, офицеръ, два гимназиста и двѣ дочери, барышни.

Вмѣстѣ гуляли, бѣгали играли и даже танцовали. Держались они съ нами, деревенскими дѣвушками, на равной ногѣ. Разговоровъ было мало, но зато было много игръ съ поцѣлуями. Такъ ведется и въ деревнѣ изстари: дѣвушки съ парнями цѣлуются на бесѣдахъ, въ играхъ. И это считается въ порядкѣ вещей. Это вошло у меня въ плоть и въ кровь; при другихъ я и сейчасъ поцѣлую чужого мужчину и не считаю это дурнымъ.

Другое дѣло наединѣ!

Случилось такъ, что я влюбилась въ студента. Повидимому и онъ мнѣ отдавалъ предпочтеніе, и въ играхъ, и въ танцахъ.

И это было мое первое увлеченіе! Первая мечта!

До объясненій у насъ не дошло. Осенью, когда онъ уѣхалъ въ Петербургъ, я сильно тосковала, плакала. Ну, а потомъ, конечно, забыла!

Зимой за меня сватались. Но когда отъ деревенскихъ бабъ узнали, что у меня не только нѣтъ приданаго, но даже нечѣмъ и свадьбу справить, а также, что хворая

я и отецъ мой пьяница, свадьба разошлась. Къ жениху я была равнодушна.

Да, въ деревнѣ большой частью такъ и бываетъ. Пріѣдетъ женихъ за 20, 30 верстъ смотрѣть невѣсту. Всѣ дѣвушки деревни соберутся на бесѣду. Которая жениху понравится, онъ говоритъ свахѣ. Сваха поразспроситъ бабъ, какого она дома, какова сама, сколько дадутъ приданаго и, если все это подходящее, идетъ къ родителямъ съ предложеніемъ смотрѣть невѣсту. Тогда жениха съ его родителями приглашаютъ въ домъ къ невѣстѣ, ихъ сажаютъ за столъ и поятъ чаемъ. Невѣсту, разряженную въ лучшее платье и пальто, выводятъ изъ другой комнаты и усаживаютъ противъ жениха. Послѣ первой чашки невѣста снимаетъ пальто и сидитъ уже въ платьѣ.

Въ избу въ это время набирается чуть не вся деревня „глядѣть на глядѣніе."

Если невѣста понравится жениху, его сваха приглашаетъ родителей невѣсты къ жениху, „на домосмотры". Когда дѣло также улаживается и тамъ, ударяютъ по рукамъ, молятся Богу и невѣста считается уже просватана.

Потомъ бываютъ „сговоры" у родителей невѣсты, гдѣ ихъ благословляютъ. А затѣмъ и свадьба. Свадьба самое интересное и счастливое время для дѣвушки. За недѣлю она дѣлается героиней. На нее ходятъ смотрѣть! О ней говорятъ!

Мнѣ тогда захотѣлось замужъ. Но дѣло такъ и разстроилось.

На слѣдующее лѣто студентъ опять пріѣхалъ, Но

теперь онъ уже сталъ ухаживать за моей двоюродной сестрой, бойкой, хорошенькой и, моложе меня, дѣвушкой. Это было ударомъ для меня. Мнѣ было, и больно, и стыдно.

А жизнь дома становилась все труднѣе и труднѣе. Тогда я получила отъ другой сестры, служившей въ Петербургѣ няней у врача, письмо. Она звала меня пріѣхать туда и поступить сидѣлкой въ лечебницу. Отецъ меня долго не пускалъ, но наконецъ согласился.

Пріѣхала я въ Петербургъ. когда мнѣ было 18 лѣтъ. Помню, что еще въ поѣздѣ меня охватила мучительная тоска. Жалко было отца. Онъ остался одинъ. Никто не любилъ его и не жалѣлъ. Хотѣла даже вернуться, но желаніе личной жизни пересилило.

Ахъ, какое жуткое впечатленіе было у меня отъ города! Оглушилъ его грохотъ, шумъ. Навѣяли какую то тревогу. Всѣ куда то бѣгутъ, торопятся.

Помню, когда я вошла въ кухню, гдѣ жила сестра, я никакъ сначала не могла понять, что это была за комната. Постель кухарки, тамъ стоявшая, показалась мнѣ такой красивой, богатой. Сестра Поля была совсѣмъ другая, какъ въ деревнѣ. Себя я почувствовала рядомъ съ ней неуклюжей. Хотя была и моложе, и красивѣе ея.

Выбѣжала потомъ барыня въ кухню, худенькая, черненькая, съ усиками, еврейка. Поля научила меня встать, когда она войдетъ въ кухню. Мнѣ это показалось очень обиднымъ.

Черезъ два дня меня позвали къ доктору, чтобы переговорить. Тогда болѣла у меня грудь, было голово-

круженіе, одышка при ходьбѣ и вообще слабость. Сестра объ этомъ ничего не велѣла говорить. Даже велѣла нарумянить щеки и дала надѣть нѣсколько юбокъ, чтобы не казаться такой худой.

И вотъ я была принята.

Первое время мнѣ было очень трудно и я сильно тосковала. По ночамъ плакала. Сестра обижалась и не разъ посылала меня домой. Но было стыдно возвращаться. И некуда.

Работать я научилась быстро. Ухаживала за больными. Помогала при операціяхъ, родахъ. Шесть мѣсяцевъ я пробыла въ лечебницѣ.

Вдругъ ночью случился тамъ обыскъ. Ко мнѣ вбѣжала хозяйка и просила что-то спрятать въ мои вещи. Я даже не знала, что было это „что-то", оно было завернуто. Ну а затѣмъ это „что-то" у меня нашли и меня арестовали.

И тутъ начинается самое ужасное. Началъ его околодочный, который меня изнасиловалъ въ первую же ночь въ участкѣ. Затѣмъ была высылка на сѣверъ. Потомъ нелѣпый бракъ съ такимъ же ссыльнымъ, какъ и я. Оттуда бѣгство. Амнистія.

Своего мужа съ тѣхъ поръ я и не видала. Не знаю, живъ ли онъ. Потомъ годъ бѣдствованія послѣ ссылки. Три раза я тогда продавалась за ночлегъ и ужинъ.

Теперь прошло уже съ тѣхъ поръ десять лѣтъ. У меня было много связей, увлеченій. Бросали меня. Бросала я. Лгали мнѣ. Лгала я. Были хорошіе, были дурные люди. Съ одними разставалась легко, съ другими

съ болью, со страданіемъ. Но продавалась я только эти три раза, за ѣду и ночлегъ. Много ночей я провела на улицѣ, не имѣя угла. Голодала. Сдѣлалась я натурщицей послѣ ссылки, потомъ продавщицей. Затѣмъ была связь пять лѣтъ, давшая въ концѣ такъ много горя. Была брошена, больная туберкулезомъ, безъ всякихъ средствъ.

Что жъ пережила! Была моложе. Вѣрила въ людей, въ счастье, въ Бога!

Прошли еще года. Еще нѣсколько связей за это время. Но не сильныя, не глубокія и не продолжительныя.

Одна жить не могу. Боюсь одиночества. Хочется ласки. Участья. Дружбы.

Я абсолютно ни къ кому не привязана. Нѣтъ любимаго дѣла. Ничего нѣтъ.

Должно быть мало развита. Интеллигентность поверхносная. Тяжело жить.

Въ концѣ была бы старость. И еще большее одиночество! Еще большая нужда. Болѣзни. Нѣтъ! Не хочу!

Родныхъ жалко, но помочь имъ не въ силахъ.

Но Боже мой! Сейчасъ уже 7 часовъ и нѣтъ никакого дѣйствія. Чувствую себя, какъ будто ничего не принимала. И тоскливо. Тоскливо.

10 часовъ вечера. Знобитъ. Дрожь. Тошноты, боли, нѣтъ.

Что же это? Начало? Какъ то плохо повинуются руки. Я спокойна.

Что же дальше, опять жить? Чѣмъ жить? Гдѣ взять силы?

Въ чемъ смерть? Какая она? Не будетъ ли мнѣ страшно умирать одной? Умру ли?

Умереть бы незамѣтно... Лечь спать... Не знать ничего... А я сижу передъ зеркаломъ и смотрю на себя. Хочу смотрѣть долго. Жутко или все равно мнѣ, не знаю...

Хочу быть мертвой. Буду ли къ утру?

Зачѣмъ то тѣни сзади?!... Шорохъ... Не все ли равно. И душитъ. Но языкъ . . . . . .

. . . . . .

Irato

Я въ больницѣ. Два раза въ день приходитъ докторъ.

Не хочу, что бы кто-нибудь зналъ объ этомъ. Я выживу! Даже поправлюсь!

Я дура, дура!

О, будьте всѣ прокляты!

Con collera

Былъ продолжительный обморокъ и рвота. Вотъ и все! Велика доза, надо было только половину и тогда было-бы.

Я ненавижу всѣхъ васъ! Проклинаю. Отравленіе организма. Ядъ медленно дѣйствующій. Болѣзнь. Надолго разстроено здоровье. Вотъ послѣдствія!

Affanato

Сегодня мнѣ немного лучше. Сейчасъ же вспомнила о немъ. Сначала было стыдно. Потомъ желаніе его видѣть пересилило. Просила сидѣлку позвонить по телефону. Просить его придти.

Когда она ходила, я была точно въ лихорадкѣ. Минутами даже раскаивалась, зачѣмъ ее послала.

Отчего онъ самъ не заѣхалъ? Вѣдь знаетъ, что со мной, и гдѣ я. Совсѣмъ, совсѣмъ не любитъ. Даже не жалѣетъ.

Но вотъ отвѣтъ: Будетъ завтра утромъ.

Dilettante

Встрѣтились, какъ будто ничего не случилось. Ни одного слова о томъ что было. Говорили только, какъ я себя чувствую. Я такъ счастлива, что вижу его опять.

Giocoso

Каждый день пріѣзжаетъ онъ. Такъ ласковъ, какъ не былъ въ первое время знакомства.

Сегодня взялъ слово, что я не буду дѣлать никогда такихъ, какъ онъ сказалъ, глупостей. Дала легко, такъ какъ и сама раскаиваюсь.

Legiadro

Сегодня переѣхала къ себѣ. Думала будетъ неловко квартирной хозяйки, но она тоже милая.

Всѣ обращаются со мной, какъ съ ребенкомъ. Міръ какъ будто бы сталъ лучше. Вечеромъ пришелъ Алексъ

и обѣщалъ хоть на минутку заходить каждый день. —

„Чтобы у меня не было черныхъ мыслей“, сказалъ онъ.

Была Марія.

Moderno

Давно уже не брала въ руки своего дневника.

Любовь и ненависть идутъ рядомъ. Вѣроятно поѣдемъ въ Крымъ, а недавно чуть не разстались опять.

Временами готова радоваться предстоящему. А иногда, и чаще, ужасъ! Люблю ли? Люблю.

Занята нарядами.

Portato

Прошелъ мѣсяцъ. Я въ Куоккалѣ, а онъ гдѣ то въ Крыму. Ясно вижу его измученное лицо въ послѣднее наше свиданіе. Все простила отъ глубины души. Надъ своей душой все также смѣюсь! Топчу ногами!

Какъ безумно смѣшно несчастіе! Какъ глупъ, какъ жалокъ человѣкъ, придавленный имъ! Человѣкъ, не умѣющій справляться съ собственнымъ горемъ!

„Какъ цвѣтокъ является на свѣтъ человѣкъ и какъ тѣнь исчезаетъ и никогда онъ не тотъ, что былъ и не тотъ, что будетъ.“

Indefferenza

Прошло четыре мѣсяца, когда я писала послѣдній разъ. Изъ Крыма Алексъ вернулся неожиданно скоро и чѣмъ то недовольный. Опять видимся, предлагаетъ

ѣхать въ Китай по его дѣлу. И если будетъ удача, буду имѣть много денегъ.

Собственныхъ, мною заработанныхъ.

Главное уѣхать! Скучно такъ жить. Прѣсно. Хочу влюбиться или хотя разсѣяться.

Pianto

Пока служу. Кое какъ работаю. Возвращаюсь домой къ вечеру. Ѣмъ какой то обѣдъ и засыпаю до утра. Вотъ моя жизнь. Безъ мысли.

А если случайно мысль пробуждается, я глушу ее. Беру книгу, иду въ театръ, кинематографъ, болтаю съ кѣмъ нибудь, но думать не хочу. Не могу. Устала.

Душа моя это крѣпко-накрѣпко выжитая губка, которую потомъ еще высушили. И это сдѣлалъ А. Мы разстались съ нимъ. Это въ третій и послѣдній разъ.

Я лучше хотѣла бы чувствовать страданіе, боль, а не эту пустоту, тупую и нудную.

Видѣться еще будемъ. У насъ есть дѣла. Я ему нужна. Да и я просила сама видѣться, боясь, что когда онъ совсѣмъ уйдетъ, меня охватитъ то горе, которое прошлый разъ толкнуло на самоубійство.

Я не знала, что любовь моя давно ушла, ушла по мелочамъ, незамѣтно для меня. Онъ только бралъ, бралъ и ничего взамѣнъ не давалъ. Если были иллюзіи, онъ и ихъ разбивалъ.

Разбираясь безпристрастно въ этой трехъ-годовой связи, я должна признаться, что когда мы познакомились, я любила другого. Онъ также. Оба мы хотѣли забыться.

У меня была еще причина, желаніе хорошо пожить, увидать свѣтъ. Я не думала, что онъ на мнѣ женится, хотя желаніе этого у меня было сильное.

Первые 3—4 мѣсяца я скучала о томъ, другомъ, но постоянное физическое и духовное общеніе съ А. вытѣснили Іосифа изъ моей памяти. Гдѣ онъ теперь, я не знаю. Да мнѣ и безразлично. Мнѣ сейчасъ никто не нуженъ. Хочется мнѣ свою душу-губку вымыть тщательно-тщательно, чтобы ничего въ ней не осталось.

Только она очень старенькая стала. Я боюсь, она теперь ничего уже не сможетъ впитывать въ себя.

А иногда, напротивъ, мнѣ кажется, что она стала шире, глубже. Ну, да Богъ съ ней!

Почему мы разстались съ А.? Что связывало насъ эти годы?

Я любила его, это правда. Любила его, ради него. Первое мое чувство было разсчетъ. Второе чувственность. И уже потомъ явилась любовь. Боже, какъ я любила! И вотъ все прошло.

Хотя если бы онъ не ушелъ, я, можетъ быть, всю жизнь прожила съ нимъ и была бы ему вѣрна, мучилась бы ревностью и охотно отзывалась на всѣ его порывы и вспышки чувства и чувственности. Но той любви, которая поднимаетъ, перерождаетъ, ее у меня нѣтъ. Онъ самъ ее взялъ.

Говорятъ его духовное развитіе выше другихъ. Пусть будетъ такъ. Но я знаю, что почти всѣ его интересы, это — женщина. И не глубина ея души, а женщина, которая умѣетъ щекотать его нервы!

Теперь, развѣ интересуетъ его душа женщины, которой онъ увлеченъ? Развѣ онъ ее любитъ? Онъ просто хочетъ играть. Добиваться ея любви. Тутъ онъ обожжется! Она его перехитритъ!

Впрочемъ не все ли мнѣ равно?

Какимъ я видѣла его послѣднее время, онъ мнѣ не дорогъ и не нуженъ. Вѣдь это моя фантазія создала для меня сказку изъ прозы длинной-предлинной и тусклой.

Con dolore

Сегодня былъ у меня Алексъ и читалъ свои Sketch'и. Слогъ у него красивый. Онъ спросилъ раньше: тебѣ не будетъ больно, милый? Нѣтъ, нѣтъ, я отвѣчала.

Кто то холодной и твердой рукой сжалъ мое сердце. И нѣтъ входа въ него ни печали, ни радости.

Amabile

Душа человѣческая это море. Безграничное, темное, безконечно-глубокое!

И какъ море въ глубинѣ своей хранитъ много чуднаго, много дивно-прекраснаго, много жуткаго, страшнаго; И чего больше, никто не знаетъ.

И какъ море, оно, то тихо бурлитъ, то грозно рокочетъ!

Вѣтеръ въ морѣ играетъ волнами. Страсти играютъ человѣкомъ.

То прижимаютъ его до земли, повергая его во прахъ или бросая въ пучину темныхъ и жуткихъ переживаній, то возносятъ на безконечную высоту духа.

Море безсмертно, а человѣкъ умираетъ.

Философія говоритъ, что душа безсмертна, а по теософіи душа становится частицей божества.

Какая то божественная мозаика!

И душа будетъ все время жить. И конца этому не будетъ.

А жизнь я сейчасъ не могу представить безъ страданій. Значитъ всегда, всегда мучиться?!

Hialemos

Не люблю я весны. Весна несетъ тревогу, сомнѣніе. Лѣто? О лѣто, — грѣетъ. Лѣто, какъ страсть!

Больше всего я люблю зимній вечеръ. За окнами вьюга, мятель. А въ комнатѣ полумракъ. Освѣщеніе только горящіе дрова въ каминѣ. У огня такъ хорошо думается. Мечтается. О чемъ? О всемъ. А главное, конечно, о любви. О томъ, что принято называть любовью. Развѣ есть на самомъ дѣлѣ любовь? Ея нѣтъ. Любовь есть мечта. Чистая, недосягаемая. Любовь красота, о которой человѣкъ можетъ только мыслить. Какъ онъ къ ней приближается, она уходитъ. Какъ „Синяя птица".

Любитъ только тотъ, кто не получилъ взаимности.

Любовь, это счастье, уходящее, когда его достигаютъ. А достигаютъ любви только сильные, могучіе, свѣтлые.

А моя любовь была темная, грѣшная. Была страсть. Я горѣла.

Я не видѣла никого и ничего. Боже! я не видѣла и того, кто зажегъ меня. Я совсѣмъ не знала его души. Не

знала его, какъ человѣка. Да и стремилась ли я къ этому? Нѣтъ!

А подъ конецъ былъ только страхъ. Страхъ самки потерять его. И только. Какъ самка, я старалась удержать его. Какъ гадко, какъ подло, мы жили послѣдній годъ! Только и видѣли разность половъ въ другъ другѣ. Встрѣчались, говорили о своихъ мелкихъ житейскихъ дѣлахъ, давали другъ другу звѣриную радость-страсть и... расходились до новой встрѣчи.

А если было чувство неудовлетворенности, какой-то тоски, развѣ я не старалась заглушить ее въ себѣ, боясь, стыдясь высказать это ему!

Почему люди такъ одиноки? Почему они такъ лицемѣрятъ и лгутъ? Мнѣ теперь такъ легко. Страданіе очистило мою душу.

Какъ будто у меня выросли крылья. А полетѣть куда? Не знаю. Развѣ я нашла смыслъ жизни? Все сомнѣнія и сомнѣнія.

Больно. О, какъ больно!

Кукла, бѣдная глупая кукла. Крѣпче, крѣпче, сожми свое сердце! Въ себѣ, въ себѣ только, ищи спасенія! Будь гордой! Ну, а не хватитъ силъ, гибни!

Смѣшные мы и жалкіе. То создадимъ себѣ кумира и поклоняемся ему. То бросаемъ его въ грязь и топчемъ свое божество. Неужели уже не было ничего свѣтлаго? Яркаго? Ужели не было красоты чувства? Или все это потонуло во взаимной лжи и обманѣ?

Душа женщины, это душа кликуши, безконечно грѣшащая и развратничащая! Она способна надругаться

надъ своимъ „святое святыхъ“. Во всемъ крайность! Въ любви и ненависти, въ грѣхѣ и покаяніи!

Сколько низости, сколько мелкой пошлости въ душѣ любящей женщины! Сколько лести, сколько лжи его мужскому самолюбію я не расточала? Самой тонкой лести и лжи! И какъ гордился человѣкъ! Гордился и думалъ, что никого умнѣе и лучше его нѣтъ!

Жилъ онъ вкусно и удобно.

И все потому, что любила! Но не мечту ли я свою любила? И могъ ли онъ осуществить мою мечту? Не знаю.

Тѣломъ я и теперь не свободна. Физическое обаяніе онъ можетъ на меня имѣть еще долго. Почти три года онъ былъ господиномъ моего тѣла. Но то, что умерло, не воскреснетъ вновь!

Кончены пѣсни любви... Безъ жалобъ, безъ видимыхъ мукъ...

Нужна была игрушечка, а я свою душу несла!

Mosaico

Сегодня я повздорила со своей жиличкой-вдовой. Вышло дѣло изъ пустяковъ.

Она пришла и увидѣла, какъ я одѣвала старый корсетъ. Отчего Вы не заставили его купить себѣ новый? сказала она. Любовники для того, чтобы ихъ разорять!

А мужья? спросила я.

Ну, мужья, это другое. Мужъ это свой.

И когда я сказала, что онъ для меня ближе мужа и что, если ему понадобилось бы, я была готова себя заложить или продать — она не повѣрила.

Она впрочемъ не вѣритъ, что я и тоскую о немъ. Думаетъ, о своей судьбѣ.

Вчера я была въ оперѣ. Я не хотѣла смотрѣть игры, закрыла глаза и слушала музыку. И такую печаль навѣяла она на меня!

Я забыла даже свою боль. Чувствовала только чужую. Несчастный человѣкъ чувствуетъ глубже. Конечно, если онъ не озлобленъ. Его душа мягче и шире.

Если бы я была любима, развѣ углублялась бы я тогда въ тотъ или иной вопросъ? Была власть только тѣла. Душа была порабощена. Мелкія заботы, вѣчный страхъ потерять его, развѣ это давало мнѣ жить духовно?

Все, что я думала, читала, видѣла, все это я брала, чтобы удержать его. Развѣ я думала когда нибудь о себѣ, что это вотъ пріятно мнѣ лично? Для себя пріятно?

Нѣтъ. Во всѣмъ я искала оружіе или защиту.

И зачѣмъ онъ былъ мнѣ нуженъ? Что меня влекло къ нему? Вотъ теперь я ясно и опредѣленно знаю, что онъ любитъ другую и не страдаю. И какъ это не странно, теперь я съ большимъ удовольствіемъ, съ большой радостью, встрѣчаюсь съ нимъ. Въ нашихъ отношеніяхъ нѣтъ лжи. Онъ иногда разсказываетъ мнѣ о ней и это мнѣ даже пріятно.

Я вѣдь знаю, что то мѣсто, которое я занимала въ его сердцѣ, оно пока принадлежитъ полностью мнѣ. Въ нашихъ отношеніяхъ исчезла чувственность. Ревность была нѣкоторое время. Потомъ прошла. Впрочемъ,

если бы онъ сталъ разсказывать мнѣ, какъ онъ ее любитъ и какъ счастливъ съ нею, мнѣ навѣрное было бы больно.

Вотъ вчера, когда онъ говорилъ мнѣ о ея несчастіи, мнѣ даже стало жаль ея. Хотѣлось помочь ей. Да и вообще я чувствую къ ней какую то симпатію.

Не то было прошлой весной, когда у него была другая. О, какъ было мнѣ больно! Какъ я боролась, чтобы удержать, отнять его!

А вѣдь я люблю его и теперь, только иначе. И эта любовь лучше, чище. Раньше я любила въ немъ любовника, теперь человѣка. И поняла я только это вчера.

Вѣдь море, море, душа. И подъ какимъ спудомъ, подъ какой грязью, она лежала.

Сколько я выбросила этой грязи, этой лжи! И загрязнила, унизила, она только меня.

Только я свою душу опустошила. Я находила его дурнымъ, размѣнявшимъ на мелочи свои сокровища, а у самой даже этой мелочи не было.

Была только чувственность.

А любить, это понимать и безконечно отдавать. И не такъ, какъ я это дѣлала. Надо понимать душу другого, а это невозможно для любовниковъ. Теперь я его, какъ любовника, уже не ревную. Я часто о немъ думаю. Вспоминаю пережитое. Наши совмѣстныя поѣздки. Наши ссоры. Примиренія. Помню мы были на „Маргаритѣ Готье“, когда его влюбленность была такъ ярко выражена. Я чувствовала, онъ весь былъ тогда мой. Возвращаясь домой, онъ, такой всегда холодный на из-

ліянія, признался мнѣ, что не помнитъ, чтобы когда нибудь былъ влюбленъ такъ въ женщину и тѣмъ болѣе послѣ 4-хъ мѣсяцевъ связи.

Потомъ эти поѣздки въ имѣніе, на Кавказъ, какой они были полны прелестью. Я была тогда робкой, застѣнчивой, молчаливой. Такъ покорно любила. Потомъ? На второмъ году охлажденіе, ложь, обманъ.

И самъ мучился, и меня мучилъ.

Та, другая, взяла его отъ меня. Взяла остатки его чувства ко мнѣ. Потомъ они поссорились. Можетъ быть я, или даже навѣрное я, испортила ихъ отношенія. Но мнѣ не стыдно. И не жаль.

Теперь новая. И къ этой у меня какое то новое чувство. Дай Богъ, чтобы она была счастливѣе меня! Дай Богъ, чтобы была хорошая! Чтобы тебѣ было съ ней хорошо!

Какъ непріятно, что улица, гдѣ я живу такая узкая! Когда смотришь изъ окна нѣтъ горизонта и становится тоскливо.

И мысли идутъ скучныя. Помогаетъ этому плохая погода.

Сейчасъ мнѣ нечѣмъ занять себя и вотъ я сижу и думаю. О чемъ? Умъ мой праздный, узкій и ограниченный. Широкій масштабъ мысли ему не доступенъ. Я запутываюсь въ мысляхъ, какъ въ дремучемъ лѣсу, хотя упорно иду туда.

Годъ тому назадъ я покушалась на самоубійство. Дѣлала это я не потому, что путемъ размышленій дошла до безцѣльности жизни. Нѣтъ, я совсѣмъ не размышляла

тогда. За счетъ ума у меня развитъ инстинктъ. И я жила имъ. Былъ инстинктивный страхъ одиночества. Физическаго одиночества. Мысль объ этомъ вызывала страданіе. Я этого боялась, не могла перенести и хотѣла избѣжать.

А отъ страданій можно избавиться только, идя имъ на встрѣчу. Тогда невольно разбираешь ихъ сущность.

А когда человѣкъ уяснитъ, пойметъ умомъ, это уже становится не главнымъ. Онъ уже перешагнулъ ихъ.

А мой умъ должно быть слишкомъ малъ и оттого я не умѣю цѣнить жизни. Не понимаю ея смысла. Я даже втайнѣ завидую людямъ, умѣющимъ жить. Меня къ нимъ влечетъ, къ ихъ мыслямъ, переживаніямъ, къ ихъ жизни. Жизнь, которая вокругъ меня, но въ которую я не умѣю войти. И это меня угнетаетъ! Я иду къ людямъ, интересуюсь ихъ дѣлами, ихъ радостью, горемъ, но въ глубинѣ души чувствую, что лгу, что они мнѣ не нужны!

Они мнѣ всѣ кажутся такими же неживыми, какъ и я. И опять тоска! Жизнь, гдѣ то есть, но я не знаю гдѣ...

Сегодня перечитала я часть своего дневника и вижу сходство между собой и хамелеономъ. Каждый день новыя мысли, новыя настроенія и желанія. Впрочемъ большинство женщинъ такія. И такихъ насъ больше любятъ. У насъ нѣтъ своего „Я“. Даже самыя сильныя, умныя изъ насъ, и тѣ-такія же слабыя.

Мнѣ разсказывали про одну писательницу — мать, которая тоже говоритъ: дайте мнѣ „его“ иначе творить не могу. Что же намъ дѣлать маленькимъ, когда мы одиноки? Чѣмъ заполнить пустоту жизни, когда нѣтъ „его“?

Хорошо, если есть любимое дѣло, въ видѣ призванія. Куда женщинѣ идти? Чего искать? Къ чему примѣнить свои силы? Ничему женщину не научили. Окончившая гимназію, если она не вышла замужъ, а предоставлена самой себѣ и не пошла на курсы, не знаетъ, что ей дѣлать съ собой, чѣмъ заняться. Ее ничто не интересуетъ. Въ массѣ она не развита. А если она выйдетъ замужъ, что она дастъ дѣтямъ, чему научитъ?

Оттого и жизнь идетъ такъ мелко, такъ недостойно людей. И такъ много озлобленія, зависти, такъ мало желанія понять другого, помочь ему.

Зачѣмъ то прихорашиваются, притворяются люди, одни передъ другими. И боятся, чтобы не разсмотрѣли ихъ пустоту. Умные, бросаютъ красивыя слова и сами имъ не вѣрятъ. Лгутъ сердцемъ, а вѣрятъ устами.

Ditty

А поѣздъ жизни все мчится впередъ. Все впередъ.

Я одна въ купэ.

Ушелъ тотъ пассажиръ, мой спутникъ, и я сама закрыла за нимъ дверь. Я устала.

Гдѣ и когда мой поѣздъ остановится. И войдетъ ли кто ко мнѣ? Не знаю.

Malincolico

Сейчасъ онъ мнѣ телефонировалъ о дѣлѣ. На словахъ, съ моимъ знакомымъ, онъ уже совсѣмъ порѣшилъ.

На дняхъ это окончится.

Мнѣ стало грустно. Окончится это дѣло, порвется вся связь между нами. И я поѣду по тому, его другому дѣлу, въ Китай. И между нами будетъ конецъ. Совсѣмъ конецъ. А жаль! Хотя угли и совсѣмъ догорѣли.

Portato

Сегодня А., обѣщалъ быть у меня вечеромъ на обратномъ пути изъ банка. И я ждала его съ самаго утра. Все готовилась, волновалась и радовалась! Теперь 10 часовъ и я не вѣрю, что дѣла его задерживаютъ. Можетъ быть онъ уже совсѣмъ не придетъ.

Мнѣ больно. Мнѣ такъ больно. Но я все жду, волнуюсь.

Если бы были слезы... Но повидимому я всѣ ихъ уже выплакала. И плакать не могу.

Сѣла пить чай; такъ тоскливо. Силой воли я заставляю себя думать о постороннемъ.

Но вотъ звонокъ! Это онъ!

Онъ всетаки пришелъ.

Такъ поздно, неужели изъ банка? спрашиваю. Нѣтъ, я заходилъ. Я знаю куда и не предлагаю вопроса. Веду въ столовую. Онъ голоденъ. Хлопочу чѣмъ его накормить.

Странно, отчего я не рада его приходу? Отчего такъ безразлично, даже непріятно его присутствіе?

Я сижу визави. Насъ раздѣляетъ столъ. Я смотрю на него. У него низкій лобъ. Армянскій носъ и ротъ, противный ротъ! Ротъ сладострастнаго грубаго человѣка! Безцвѣтные выпуклые глаза! Какъ будто бы безъ

выраженія. Здоровая крѣпкая фигура. Но онъ какъ будто мѣшковатъ.

Хотя въ тоже время удивительно пропорціоналенъ!

Что же въ немъ мнѣ нравится? Неужели та грубая чувственная сила?

Не знаю. Теперь нѣтъ, но раньше вѣдь я видѣла его такимъ же и ни на кого не промѣняла, ни съ кѣмъ бы не сравнила. И не было бы жертвы, на которую я не пошла бы ради него!

И теперь онъ мнѣ еще дорогъ.

Не такъ, не по прежнему, но дорогъ.

Что ты такъ смотришь на меня? спрашиваетъ онъ. Я похудѣлъ. Мнѣ всѣ это говорятъ и ты, вѣроятно, тоже скажешь.

Не знаю отчего, продолжалъ онъ, развѣ только отъ недоѣданія т. к. остальное ничто меня больше не трогаетъ. Даже любовь. Впрочемъ и нѣтъ ея.

Все фантазіи, раздуваніе, какъ ты говоришь.

И отвѣчая, повидимому, на свои мысли, онъ продолжалъ.

Какая любовь пойдетъ на умъ, когда хочется ѣсть!

Я какъ то усталъ. Отчего я усталъ?

Не знаю, что ты сегодня дѣлалъ? отвѣчала я.

У меня сегодня былъ братъ; я прочелъ ему все, что написалъ.

Мы перешли въ гостиную. И тамъ сѣли у камина. Онъ посмотрѣлъ мнѣ въ лицо. Было ли дѣйствительно въ его взглядѣ то, что я видѣла или это только мнѣ хотѣлось видѣть?

Душа его въ смятеніи. Мнѣ стало жаль его.

Такъ хотѣлось его успокоить. Дружески приласкать, какъ маленькаго, какъ больного!

О чемъ мы говорили, я не помню. Когда онъ ушелъ, у меня на душѣ остался какой то осадокъ! Скорѣй бы кончилось дѣло въ банкѣ и уѣхать!

Какъ хочется скорѣе уѣхать!

Con affetto

Ахъ, какъ тяжело. Какъ больно! Какъ тоскливо!

Такъ хочется ласки, участья близкаго человѣка.

Милый, родной! Кто ты? Гдѣ ты? Не того зову, кто былъ, того, кто будетъ. Будетъ, будетъ, „Онъ“ будетъ!

Всѣ свои силы душевныя, всю нѣжность отдамъ я ему!

Я еще этимъ богата. И я вѣдь, не торгуясь, плачу.

Не буду спрашивать, какъ у А. въ Sketch'ѣ: Буду-ли я счастлива?

Я отдаю. Отдаю безконечно. Отдаю все, ничего взамѣнъ не требуя.

А если, хотя маленькую частицу счастья, даютъ мнѣ, какъ я благодарна бываю!

Развѣ для него я не была безконечно снисходительной? довѣрчивой, терпѣливой и деликатной? Развѣ когда нибудь упрекала? Развѣ мало заботилась о немъ, отказывая себѣ всегда во всемъ? Все для него! Такъ очень молодыя любить не могутъ! Любить — себя забыть. Я сжилась съ мыслью о немъ.

И вотъ, надо кончать! О, меня не гонятъ. Отъ меня

ничего не отнимаютъ. Впрочемъ, не потому ли, что нечего взять? Ахъ нѣтъ! Отняли... Иллюзію. Мою фантазію... Мою повязку...

Ну, довольно писать. Въ сущности все ложь и поза!

Иначе не знаю, какъ назвать это противорѣчіе, гдѣ любовь и ненависть идутъ рядомъ.

Вынь свой жесткій клювъ изъ сердца моего,
Гдѣ скорбь всегда!
Крикнулъ воронъ: „Никогда".

Con dolere

Я нищая духомъ. У меня ничего нѣтъ. Никого нѣтъ.

Я никого не люблю. Душно мнѣ! Душно! Злая ревность мучитъ меня, внося разладъ во мнѣ; въ то, что я называю душою. И я клевещу и на него, и на себя, и на всѣхъ. Вотъ и сейчасъ. Вѣдь любви то нѣтъ! Давно нѣтъ. Развѣ я не помышляла, что если пріѣдетъ „тотъ", то я порву съ А.? Вѣдь это было рѣшено у меня! И вѣдь сдѣлала бы!

Правда я скучала бы объ А., но я продала бы себя за спокойную, безбѣдную жизнь!

Волюшки нѣтъ. Слякоть какая то!

Могла бы быть авантюристкой, могла бы быть и преступной, и святой: лишь бы только кто-нибудь двигалъ мною.

А сама никуда не гожусь! Ни на что не способна! И вотъ копаюсь въ старомъ хламѣ воспоминаній. Приросла къ нимъ. Заколдованный кругъ, за черту его не

могу выйти. Рвется душа, вся порывъ, вотъ-вотъ выскочу, а дошла до черты и... назадъ!

Dogliosamento

Мысли идутъ какъ-то нестройно, забавно. Ихъ много. Даже устаю отъ ихъ обилія. Какой то сумбуръ. Какъ будто они собраны на улицѣ отъ вереницы встрѣчныхъ людей. Обрывки ихъ разговоровъ.

Хуже всего, что я не сплю по ночамъ и потому чувствую боль въ затылкѣ. Ощущеніе какой то огромной головы! Какъ будто бы я не человѣкъ, а головастикъ. Я чувствую, будто она расширяется и черепомъ касается стѣнъ комнаты. Дикій ужасъ испытываю я въ эти минуты! И я боюсь пошевельнуться. Боюсь, что черепомъ я задѣну за стѣны и онъ лопнетъ.

И я лежу по ночамъ. Не шелохнусь. Цѣлыми часами.

За послѣднее время стали сѣдѣть волосы. Также выпадать. Мнѣ хочется ихъ обрѣзать. Будетъ некрасиво, но мнѣ все равно. Пропало кокетство!

Хотя раза два, послѣднее время, когда я ждала къ себѣ А. Я румянила свои поблѣдневшія, за послѣднее время, щеки, красила губы, завивала волосы. Хотѣлось ему нравиться.

Странное чувство!

Вчера Евг. Вас. спросилъ меня, есть ли у меня подруга? Да есть, Марія.

Она знаетъ всѣ дурныя стороны моего характера и жизни. Ей я показываюсь главнымъ образомъ съ этой стороны.

Я думаю, всѣ такъ поступаютъ. Разнымъ людямъ показываютъ себя съ разныхъ сторонъ. То, что я скажу Маріи, я не скажу напримѣръ Ольгѣ или этой жиличкѣ-вдовѣ. Да и вообще, къ разнымъ людямъ у всѣхъ разное даже отношеніе. А отсюда кажется какъ будто люди разные. А въ большинствѣ они почти всѣ одинаковые. Только каждый видитъ разную грань другого. Мнѣ кажется, въ душѣ человѣка есть струны грубыя, есть нѣжныя. Гдѣ они расположены, никто не знаетъ. Иногда бываетъ, что между людьми давно знакомыми, у которыхъ уже установились извѣстныя, допустимъ враждебныя, отношенія, какая-нибудь случайность, пустякъ, все мѣняетъ. Они стали друзьями.

Не значитъ ли это, что кто нибудь случайно нашелъ ключъ къ другимъ, къ тѣмъ нѣжнымъ, струнамъ?

Apolalerion

Былъ сегодня А. Я просила, что нибудь прочесть изъ того, что онъ написалъ.

Зачѣмъ я прошу? Вѣдь мнѣ больно. Каждая строчка, какъ ударомъ молота, бьетъ меня по сердцу. Больно! Какъ будто въ живое тѣло воткнутъ ножъ и его перевертываютъ въ ранѣ.

Мнѣ больно, больно! И зачѣмъ, зачѣмъ я его прошу?

Со дна души поднимается огромное страданіе, отъ котораго затемняется сознаніе и кажется, что закричишь отъ безумной муки!

Но я хочу! Хочу этого страданья! Есть какая то жуткая прелесть въ немъ.

Хочу знать. Хочу знать все!

Ты, любимый! Ты, послѣдній! Люблю. Такъ люблю, что ради тебя люблю и любовь твою!

Да теперь я люблю всѣхъ людей вмѣстѣ и каждаго въ отдѣльности. Хочется сдѣлать всѣмъ что нибудь доброе, хорошое. Дать хоть маленькую частицу радости.

Всѣ люди сейчасъ для меня братья, всѣ страждующіе. Такую огромную любовь я чувствую къ нимъ. Любовь и жалость. Всѣ одинаково слабы.

Только у меня, какъ камень на сердцѣ: силы уходятъ. Особенно сегодня. Давитъ что то мозгъ. Ничего не могу вспомнить.

Его я обманываю своимъ покойнымъ видомъ.

И съ его помощью пью горькую чашу... Медленно, медленно добиваю себя.

Ты, его избранница, люби его! А обо мнѣ не надо думать. Я обреченная давно съ дѣтства. Родилась съ вывихнутой душой.

То, о чемъ я всю жизнь мечтала, то, на что я отдала ему всѣ силы, всю душу, то дано имъ другой! И это мнѣ смертельный ударъ!

Она молода. Никто мнѣ не далъ такой любви, какъ онъ ей.

Я не видѣла его 4 дня и хотѣла еще недѣлю не видѣть. Хотѣла лечиться, какъ лечатъ пьяныхъ отъ запоя.

Но утромъ онъ прислалъ письмо. Не для меня оно было и не обо мнѣ. Оно было дѣловое. Но я не вытерпѣла и просила его зайти. И вотъ онъ зашелъ. И хо-

лодное спокойствіе нарушено. Но онъ не виноватъ. Я сама растравляю свои раны. Я лгу ему.

Спокойно, твердо, смотрю ему въ глаза, когда онъ читаетъ.

Въ сущности я не лгу.

Я сама себя осудила и казню.

И не жду, и не хочу помилованія. Недостойно жила.

Растратила свои сокровища. Свою молодость, свои мечты, свои лучшіе порывы.

Нѣтъ вѣры ни во что. А жаль... Страшно жаль...

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 16 11 13 10 023 9